

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 947 : 353 (571.1)

В. В. ГЕРМИЗЕЕВА

Омский государственный технический
университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1914 – ФЕВРАЛЬ 1917 гг.)

В статье на основе архивных материалов анализируется деятельность органов местного управления Западной Сибири в годы Первой мировой войны, обращается внимание на основные задачи, стоящие перед административными учреждениями, пути их решения и результаты проводимых мероприятий.

Ключевые слова: местное управление, губернатор, Западная Сибирь.

В годы Первой мировой войны в России произошли серьезные изменения не только в государственном управлении, но и в деятельности местных органов власти. Все местности Российской империи были объявлены в состоянии чрезвычайной охраны с предоставлением прав главноначальствующих генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам. Ряд проступков был исключен из ведения суда и подлежал рассмотрению в административном порядке губернатором [1].

Государственные цели определяют организационную структуру и задачи не только центральных, но и местных органов власти. Основными элементами их взаимодействия являются официальные инст-

кции и постановления [2]. С осени 1914 г. органы местного управления все сильнее стали ощущать влияние правительства. В частности увеличилось количество циркуляров и инструкций, регулирующих деятельность администрации по продовольственным поставкам, по своевременному выполнению государственных заказов, по составлению разного рода отчетности.

Напряжение экономики, нехватка рабочих рук вели к сокращению посевных площадей и уменьшению товарооборота, а результатом финансовых трудностей и роста цен стало стремительное ухудшение жизни населения. Война способствовала централизации управления, привела к кризису всего общественного хозяйства, обострила социальные

и политические противоречия. Основные задачи, стоящие перед местными органами власти, были серьезно пересмотрены.

В условиях военного времени на первое место вышли проблемы, связанные с мобилизацией, с помощью семьям воинов, ушедших на фронт, раненым, больным, беженцам, организацией госпиталей и созданием стабильного снабжения продуктами первой необходимости. В Западной Сибири были учреждены отдельные губернские (областное в г. Омске) и уездные по воинской повинности присутствия.

Начало мобилизации в Томской губернии в июле — августе 1914 г. было отмечено поджогами и разгромами некоторых волостных учреждений и винных лавок, о чем постоянно доносили уездные исправники. В Омске и Омском уезде мобилизация, за исключением нескольких случаев, прошла спокойно. Акмолинским губернатором А. Н. Неверовым было сделано распоряжение крестьянским начальникам о выявлении и прекращении тайной продажи спиртных напитков. Меры, принимаемые А. Н. Неверовым, для пресечения разгрома винных погребов и лавок, и в целом по поддержанию порядка были оценены правительством. Министр внутренних дел Н. А. Макаров выразил ему благодарность «за столь энергичный образ действия, который воспрепятствовал дальнейшему распространению в области возникающих в отдельных местностях беспорядков среди запасных и крестьян» [3].

Уже в конце июля 1914 г. представителями местных органов власти был поднят вопрос об обеспечении семей лиц, призванных на войну, помощью в организации уборки хлеба за счет казны в сельских местностях. Например, в Акмолинской области его решение осуществлялось под руководством вице-губернатора П. П. Кандидова, а организационные моменты рассматривались на совещаниях в составе членов управы, гласных, представителей горожан.

Так, 4 августа в областном правлении состоялось первое совещание областного комитета во главе с губернатором А. Н. Неверовым по оказанию помощи семьям запасных и ополченцев Акмолинской области, призванных по мобилизации [4]. Участники совещания пришли к выводу, что кроме правительственной поддержки семьям запасных и ратников должна быть оказана частная помощь, к которой были отнесены плата за квартиры, снабжение нуждающихся одеждой и топливом. Для организации кружечного сбора в пользу семейств запасных избрали особую комиссию во главе с начальником управления государственных имуществ В. В. Барышевцевым. Предполагалось, что расходование собранных денег будет возложено на исполнительную комиссию во главе с губернатором [5].

Начальники губерний, обращая внимание на положение семей низших воинских чинов и ратников ополчения, призванных по мобилизации, предписывали съездам крестьянских начальников производить обследование и запись их состава для организации выдачи денежных пособий [6]. В помощь крестьянским начальникам для разрешения текущих дел до окончания войны могли быть командированы лица, состоящие на государственной службе с окладом содержания 1600 рублей. Последние получили право самостоятельно решать дела, подведомственные крестьянским начальникам [7].

Помимо помощи, оказываемой казной на продовольствие, важной мерой обеспечения семей призванных воинов являлась организация сельскими обществами помощи их семьям в деле уборки урожая

и предстоящих посевов. Тем не менее некоторые из крестьянских начальников и лиц их заменяющих отнеслись к этому без должного внимания, не смогли организовать в полном объеме необходимой общественной помощи. Поэтому многие отмечали слабую деятельность отдельных должностных лиц, их нераспорядительность, неумение вовремя принять решительные меры. Подобные обстоятельства заставляли губернаторов издавать циркуляры с целью упорядочения посева и сбора урожая, а также урегулирования отношений крестьянских начальников с населением. Так, согласно циркуляру томского губернатора В. Н. Дудинского от 4 марта 1915 г., крестьянским начальникам и заведующим подрайонами предлагалось привлекать к оказанию помощи семьям призванных на войну в предстоящем посеве яровых хлебов местные сельскохозяйственные, кооперативные общества и благотворительные учреждения [8].

Уже к концу первого года войны стали довольно ощутимы трудности в снабжении продовольствием действующей армии и населения городов. В мае 1915 г., при Министерстве торговли и промышленности был учрежден Главный продовольственный комитет для заготовки продовольствия, учета запасов, составления планов перевозок и снабжения, установления предельных цен и такс. Но через три месяца комитет был упразднен. В сентябре 1915 г. Главное управление землеустройства и земледелия было преобразовано в Министерство земледелия, теперь основная его деятельность была связана со снабжением армии продовольствием [9].

В условиях войны появились новые органы управления — в Петрограде были созданы в августе 1915 г. четыре Особых совещания при Военном министерстве, Министерстве торговли и промышленности, земледелия и государственных имуществ, путей сообщения. Возникли региональные отделения новых структур [10]. В Западной Сибири были учреждены военно-промышленные комитеты «для содействия правительственным учреждениям в деле снабжения армии и флота всеми необходимыми предметами снаряжения и довольствия» [11].

Так, первое общее собрание томского губернского военно-промышленного комитета состоялось в зале губернского управления 16 июля 1915 г. под председательством и.д. губернатора и.д. вице-губернатора С. Володимерова. Были определены следующие задачи губернского комитета: объединять и направлять деятельность отдельных комитетов, согласуя ее с общими указаниями правительства. Кроме того, были образованы военно-промышленные комитеты в Ново-Николаевске и Барнауле, первоначальная деятельность их ограничивалась обследованием местных промышленных предприятий и заводов. В дальнейшем С. Володимеров объездил Томскую губернию с целью подчинения вновь создаваемых комитетов губернскому комитету. Состав подобного рода комитетов свидетельствует о том, что они создавались как чисто буржуазные организации, в которых представители администрации могли играть значительную роль или же вовсе отсутствовать. Например, в ВПК г. Барнаула представители торговцев и промышленников составляли 60 %, а представители от администрации отсутствовали [12].

В июле 1915 г. Омской городской думой был образован военно-промышленный комитет под председательством городского головы В. А. Морозова. Его деятельность была связана с обеспечением армии необходимыми продуктами и материалами.

Представляя список предприятий, находящихся в ведении Омского ВПК городской голова доносил акмолинскому губернатору А.Н. Неверову, что на многих предприятиях ощущается недостаток топлива, и просил содействия администрации для решения этой проблемы. Губернатор считал необходимым в некоторых случаях привлекать специалистов из областного правления для участия в заседаниях комиссии по обеспечению армии снаряжением [13].

В мае 1915 г. в Тобольской губернии был создан губернский продовольственный комитет под председательством губернатора А. А. Станкевича, в который вошли представители городских общественных управлений, торгово-промышленных учреждений «для выяснения потребностей населения и обеспечения его в предметах первой необходимости». Вскоре А. А. Станкевичем было издано предписание относительно необходимости нормирования цен: «вызванные военным временем затруднения в доставке по железным дорогам массовых грузов повлекли за собой во многих местностях Империи уменьшение рыночных запасов хлеба и других предметов первой необходимости, а этим обстоятельством не преминули воспользоваться спекулянты, начавшие искусственно повышать и без того высокие цены на эти продукты [...]». По имеющимся у меня сведениям цены на предметы первой необходимости заметно увеличиваются и по городам Тобольской губернии» [14].

Обеспечение населения продуктами и регулирование на них цен являлись первостепенными задачами в деятельности местных органов власти. Для выяснения наличия запасов муки, дрожжей, пшена, гречневой крупы и т.п. местные торговцы, держатели торгово-промышленных предприятий, скупщики товаров для перепродажи обязаны были еженедельно представлять в городские управы сведения о наличии перечисленных товаров и их расходе. В начале ноября 1915 г. в областном правлении состоялось совещание по обеспечению г. Омска продовольственными продуктами. В результате оно постановило поддерживать ходатайство города об отпуске средств на заготовку муки, дров и сахара и нашло возможным отпустить на заготовку дров 105 тыс. руб., муки — 200 тыс. руб., сахара — 77,5 тыс. рублей [15].

Министр внутренних дел А. А. Хвостов в своей телеграмме от 31 декабря 1915 г. обращал внимание местных властей на необходимость самой решительной борьбы с возрастающим в стране взвинчиванием цен на продукты первой необходимости и рекомендовал привлечь к этой работе органы городского самоуправления.

В апреле 1916 г. акмолинский губернатор предлагал городской управе представить ему отчет о деятельности Омского городского управления по борьбе с дороговизной «столь тяжело сказывающейся на местном, особенно беднейшем населении города». Несмотря на предпринимаемые меры, повышение цен на продукты и предметы первой необходимости продолжалось. Вследствие этого разного рода злоупотребления порой принимали широкий размах, что в свою очередь требовало принятия мер по урегулированию ситуации. Согласно обязательному постановлению степного генерал-губернатора Н. А. Сухомлинова от 15 февраля 1916 г. в связи с обнаружением ряда случаев фальсификаций, подделок и порчи продуктов первой необходимости следовало пищевые продукты (мясные изделия, молочные продукты, овощи, фрукты) продавать «лишь в безус-

ловно добротном, качественном виде, без искусственных примесей, портящих их качество и хозяйственную годность» [16].

В уездах Томской губернии по сообщениям уездных исправников, цены на фуражи и предметы, необходимые в домашнем хозяйстве, продолжали повышаться на протяжении всего 1916 года. В целях урегулирования снабжения населения продовольствием разрабатывались и издавались специальные таксы.

Так, в ноябре 1916 г. постановлением главного начальствующего степного генерал-губернатора Н. А. Сухомлинова были утверждены следующие таксы для населения Акмолинской области: на сахарный песок 9 руб. 18 коп. за пуд, на топленое масло 90 коп. за фунт, на мясо первого сорта 25 коп. за фунт. Такса являлась обязательной для торговцев в пределах Акмолинской области, и, в случае продажи продуктов выше утвержденной таксы, они подвергались ответственности в административном порядке.

Важное значение представители администрации придавали организации помощи больным и раненым, прибывающим с театра военных действий. Например, на вокзале в Омске был устроен для них особый пункт, где им оказывалась продовольственная и врачебная помощь [17]. В Томской губернии предусматривалось содействие в предоставлении работы в казенных учреждениях для раненых [18].

Достаточно серьезную проблему представляли беженцы, число которых постоянно увеличивалось. В этой ситуации перед местными органами власти стояла задача по оказанию им соответствующей помощи. Так, на совещании в областном правлении в начале августа 1915 г. по организации помощи беженцам было решено всех прибывающих в Омск беженцев размещать в переселенческих бараках близ станции Омск, где им должна быть оказана помощь по снабжению их предметами первой необходимости. Подобные совещания проводились и в дальнейшем, кроме чинов областного правления активное участие в них принимали представители общественных организаций.

Положение на фронте, экономический и политический кризис в стране влияли и на состояние дел в Западной Сибири. Организация городских продовольственных комитетов, принятие мер по предотвращению спекуляции, ужесточение контроля за провозкой грузов, помощь раненым не могли решить возникающие проблемы в полном объеме и стабилизировать ситуацию в регионе. Весной 1916 г. туринский исправник в своих докладах о настроениях общественности доносил, что в настоящее время трудно «указать хотя бы на одно лицо из принадлежащих к составу правительственных чиновников, на которые бы местная власть и правительство могли бы ... опираться» [19]. Из сообщения томского губернатора В.Н. Дудинского в Департамент полиции за апрель этого же года видно, что на почве постоянно увеличивающихся цен росло недовольство населения, хотя еще не выливалось в активные формы.

Согласно сообщениям местных властей, в октябре 1916 г. в Томской губернии довольно явно стала замечаться утомленность войною и тяжестью жизни. Городские продовольственные комиссии, образованные в Томске, Ново-Николаевске, Барнауле, Бийске, Мариинске, на которых лежала заготовка предметов первой необходимости для перепродажи их населению по заготовительной цене, действовали слабо. По причине отсутствия надлежащего руководства со стороны губернской администрации цены на продукты не были урегулированы [20].

На основании подобных донесений можно судить о том, что к концу 1916 г. политическое положение было достаточно сложным, настроение населения складывалось под влиянием двух основных факторов — войны и продовольственных трудностей. В целом по стране неуклонно отмечали «бессистемные и взаимно противоречивые распоряжения представителей правительственной и местной администрации, недобросовестность второстепенных и низших агентов власти на местах и, как следствие выше изложенного, неравномерное распределение продуктов питания и предметов первой необходимости» [21]. Снабжение населения продовольствием по-прежнему оставалось одной из насущных проблем местной администрации и органов местного самоуправления.

В январе 1917 г. была введена карточная система на продукты первой необходимости, увеличились цены на продовольственные и непродовольственные товары. Так, в Томске исчезли из продажи дрова, поставки угля снизились в два раза. В начале 1917 г. тобольским губернатором Н. А. Ордовским-Танаевским было издано предписание уездным исправникам о пресечении беспорядков на территории губернии, основной причиной которых было повышение цен на основные товары. Для этого предполагалось заранее выработать план действий по соглашению с местными военными властями [14, 22]. Но недовольство населения деятельностью администрации повсеместно нарастало.

В целом в 1914—1917 гг. большое значение придавалось необходимости координации действий между основными звеньями местного управленческого аппарата. В то же время невозможность принятия самостоятельных решений по целому ряду вопросов, увеличение отчетности, необходимость применения экстренных мер в условиях кризиса негативно отражались на деятельности местных органов власти и подрывали их авторитет среди населения.

Библиографический список

1. Государственный архив Омской области (далее — ГАОО). Ф. 190. Оп. 1. Д. 223. Л. 3—8.
2. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / отв. ред. С. Г. Агаджанов, В. В. Трепавлов. — М.: Славянский диалог, 1998. — 416 с.

3. ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 250. Л. 3—78; Очерки истории города Омска. Дореволюционный Омск / под ред. А. П. Толочко. — Омск: Изд-во ОмГУ, 1997. — Т. 1. — 292 с.

4. Омский вестник. — 1914. — 26 июля.

5. Омский вестник. — 1914. — 8 августа.

6. ГАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 142. Л. 269, Д. 137. Л. 15.; Государственный архив Томской области (далее — ГАТО). Ф. 3. Оп. 77. Д. 2797. Л. 7.

7. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 164. Л. 52, 59.

8. ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 149. Л. 279.

9. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. — М.: Третий Рим, 1997. — 357 с.

10. Дмитриенко, Н. М. Сибирский город Томск в XIX — первой трети XX века: управление, экономика, население / Н. М. Дмитриенко. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2000. — 280 с.

11. Авербах, О. И. Законодательные акты, вызванные войною 1914—1916 гг. / О. И. Авербах. — Пг., 1916. — Т. 3. — 788 с.

12. ГАТО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 215. Л. 35, 42; Д. 231. Л. 28, 88.

13. ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 300. Л. 14, 33, 36.

14. Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / под ред. В. В. Коновалова. — Тюмень: Тюмен. издат. дом, 2000. — 577 с.

15. Омский вестник. — 1915. — 5 ноября.

16. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 314. Л. 33.

17. Омский телеграф. — 1915. — 15 января.

18. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6926. Л. 2-15, Д. 6160. Л. 4.

19. Государственное управление Тюменской области, Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 29. Д. 176. Л. 18.

20. ГАТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 387. Л. 2, 3.

21. Из доклада Петроградского охранного отделения Особому отделу Департамента полиции о продовольственном кризисе и настроении масс в октябре 1916 г. // Андреев А. Р. История государственной власти в России / А. Р. Андреев. — М.: Белый волк — Крафт, 1999. — 352 с.

22. ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 395. Л. 1.

ГЕРМИЗЕЕВА Виктория Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: e-mail: vika-germ@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.10.2009 г.

© В. В. Гермизеева

Книжная полка

ББК 66/П50

Политология [Текст]: учеб. для вузов по дисциплине «Политология» / В. А. Ачкасов [и др.]; под ред. В. А. Ачкасова, В. А. Гуторова. — М.: Юрайт, 2010. — 691 с. — (Университеты России). — Библиогр. в конце глав. — ISBN 978-5-9916-0629-5. — ISBN 978-5-9692-0880-3.

Учебник, написанный коллективом авторов Санкт-Петербургского гос. университета, представляет собой изложение ключевых проблем политической науки. При подготовке учебника использованы новейшие исследования, материалы и теоретические разработки ведущих отечественных и зарубежных политологов. В центре внимания авторов важнейшие процессы и явления политической жизни: власть, государство, партии, идеологии, международные отношения. Но особый интерес вызывает глубокое исследование таких актуальных тем политической науки и практики, как политические режимы, политические элиты и лидерство, группы интересов и лоббирование, политические технологии, политическая глобалистика и др. Издание соответствует требованиям Гос. образовательного стандарта и базовой федеральной программе по дисциплине «Политология».

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов и всех интересующихся проблемами развития современной политической науки.

ИЗ ИСТОРИИ «РЕЛЬСОВОЙ ВОЙНЫ» В КУЗБАССЕ В 1998 г.*

В статье показана роль и место Кузбасса в «рельсовых войнах» 1998 г. Представлен анализ причин, этапов и результатов участия кузбассовцев во Всероссийской акции протеста.

Ключевые слова: Кузбасс, экономический кризис, «рельсовые войны».

Неспособность федеральной власти во время рыночных преобразований решать жизненно важные проблемы большей части населения страны спровоцировала в 1998 г. Всероссийскую акцию протеста. Она получила название «рельсовая война». В мае и июле 1998 г. была проведена многодневная блокада железнодорожных сообщений между Москвой и Воркутой, центральными и южными районами России, а также в срединной части Транссибирской магистрали. Данная акция стала апогеем борьбы трудящихся за свои экономические права и интересы во время перехода к рыночным отношениям.

Во время акции жители индустриального и в то же время экономически депрессивного региона показали высокую политическую активность. Причины значительной активности кузбассовцев были тесно связаны с серьёзными проблемами в угольной промышленности. Высокая зависимость многих предприятий от ослабевающей угольной отрасли автоматически осложнила деятельность всех сегментов региональной экономики. Низкий уровень зарплаты, её нерегулярная выплата, а также отсутствие элементарных форм социальной поддержки населения привели к резкому обеднению большинства населения Кемеровской области. Разразившийся в 1998 г. финансово-экономический кризис ещё более обострил обстановку в народном хозяйстве региона.

«Рельсовое противостояние» в Кузбассе длилось 27 суток и явилось наиболее мощным, радикальным и последовательным на фоне других очагов протестного движения в стране. Если в 1989 г. забастовщики края ратовали за самостоятельность, то в 1998 г. они требовали государственной поддержки.

Всероссийская акция протеста началась 13 мая 1998 г. в Печорском угольном бассейне, но уже через два дня центр борьбы стал перемещаться в Кузбасс. 15 мая Транссибирская железнодорожная магистраль была перекрыта в районе г. Анжеро-Судженска. На рельсы вышло не менее одной тысячи шахтёров, пенсионеров, безработных и представителей бюджетных организаций. Они требовали отставки Президента РФ, прекращения закрытия предприятий без предварительного создания рабочих мест, погашения задолженности по зарплате и регрессным искам всем предприятиям города и т.д. [1]. В результате железнодорожные составы вынуждены были следовать по обходному маршруту.

Действия горняков Анжеро-Судженска явились прологом масштабной «рельсовой войны» в Кузбассе. 16 мая уже рабочий штаб бастующих (Координационный совет городов Кузбасса) [2]. Председателем областного стачкома был избран пред-

ставитель г. Анжеро-Судженска В. Фокин. Таким образом, стихийный характер протеста стал принимать более организованный и масштабный вид.

К более решительным действиям трудящихся Кузбасса подталкивало и ширившееся забастовочное движение в других регионах страны. Всероссийскую акцию протеста поддержали горняки Воркуты и Ростова-на-Дону. Имелась угроза железнодорожных блокад в Екатеринбурге, Омске и Иркутской области [3, с. 47]. Однако самой болезненной точкой в транспортной системе России являлся блокированный Транссиб. Действия кузбасских пикетчиков, носили более радикальный характер, нежели в других очагах Всероссийской «рельсовой войны» [3, с. 44].

20 мая солидарность с Анжеро-Судженском проявили другие города Кемеровской области — Прокопьевск и Юрга. В итоге сообщение между севером и югом Кузбасса было прервано, блокировалось большое сибирское кольцо, а также железнодорожное сообщение с Томском. Пикетчики пропускали только местные электрички, а также поезда стратегической важности и с гуманитарной помощью для шахтёров. В результате полностью была остановлена перевозка пассажиров и грузов на Дальний Восток и обратно.

Акция протеста обострила социально-экономическое положение в области и соседних регионах. На 20 мая экономика Кузбасса уже имела ущерб примерно 1,5 млн рублей. В этот же день по распоряжению губернатора в Кемеровской области была объявлена чрезвычайная ситуация. Координационный совет обратился к пикетчикам с предложением пропускать поезда к местным предприятиям и таким образом смягчить экономическое положение в регионе [4].

Между тем пикеты на железных дорогах решительно поддержали работники многих предприятий и организаций Кемеровской области, а также представители мелкого и среднего бизнеса, сельские жители. Накануне и в первые дни «рельсовой войны» требования забастовщиков носили в большей мере экономический характер: погашение задолженности по зарплате и пенсиям, выделение средств на конверсию производства, выполнение правительством обязательств по социальной защищённости и т.д. Через пять дней блокады Транссиба, в связи с расширением географии протестов и отсутствием адекватной реакции со стороны федеральной власти, основными требованиями пикетчиков стала отставка президента и правительства. Вместе с тем анализ имеющихся источников показал, что чёткие требования имели только трудящиеся и безработные г. Анжеро-Судженска. В других городах Кузбасса, а также в

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Федерального агентства по образованию № П657.

Координационном совете конкретная программа действий и требований отсутствовала.

Шахтёрские требования поддержали Росуглепроф и Федерация независимых профсоюзов России. Кроме того, Генеральный совет ФНПР призвал зарубежные профсоюзы бойкотировать поставки угля в Россию, что сделало бы Правительство РФ сговорчивее. Протестное движение трудящихся России было поддержано и на международном уровне в лице заявлений компартий Сирии, Греции и Италии [5, л. 19]. Солидарность с участниками Всекузбасской акции проявили депутаты Законодательного собрания и Общественной палаты Кемеровской области [6].

Однако, по мнению государственных чиновников, деньги «терялись» в самом Кузбассе, как и в других шахтёрских регионах. В связи с этим, по решению Правительства РФ, в угледобывающие регионы были отправлены 5 мобильных бригад налоговой полиции, ФСБ и МВД. Перед силовыми структурами поставили задачу распутать цепочку посредников, занимающихся продажей угля, и выяснить, куда же уходили сотни миллионов рублей, которые заработали, но не получили шахтёры, а также разобраться в истинных причинах социального кризиса в шахтёрских районах [3, с. 241]. Но это не остановило протестное движение в угольных бассейнах страны.

Отсутствие внятной позиции федерального центра подталкивало региональную власть менять своё отношение к происходящему. Разобщённые и нередко половинчатые требования коллективов областной штаб по чрезвычайной ситуации решил объединить и существенно дополнить. По мнению А. Тулеева, выплата зарплаты не решала коренных проблем, необходимо было добиваться экономической самостоятельности Кемеровской области. Губернатор призвал кузбассовцев отказаться от радикальной формы протеста.

Но призыв губернатора к необходимости сворачивания блокады Транссиба в регионе не был услышан. Наоборот, обстановка продолжала усугубляться. Утром 22 мая на рельсы вышли шахтёры Междуреченска. В результате железнодорожные перевозки в Кузбассе оказались полностью парализованы. Ежесуточные потери от простоя поездов составляли для области более 1,5 млн рублей [7].

Федеральная власть всё-таки была вынуждена реагировать на рост радикальных действий в Кузбассе и других шахтёрских регионах. 22 мая комиссия во главе с заместителем председателя Правительства РФ О. Сысуевым прибыла в бастующий регион. Он заявил, что будет рассматривать только экономические вопросы и предложения, а политические требования невыполнимы, так как для отставки президента нужны более веские причины. На сторону правительственной комиссии в этот момент встали члены Координационного совета городов Кузбасса. Они обратились к шахтёрам с предложением прекратить блокаду железнодорожных путей. Но пикетчики не прислушались к их мнению. Таким образом, акция протеста приобретала неуправляемый характер, и последствия действий забастовщиков становились всё более непредсказуемы.

Представители правительства вынуждены были работать по каждому городу Кузбасса в отдельности. Комиссия явно торопилась с решением вопроса снятия блокады Транссиба, поэтому подписывала документы, не особо задумываясь о последствиях. Так, например, в Протоколе по Анжеро-Судженску первый пункт требований гласил: «Отставка Президента РФ». И заместитель председателя правительства

О. Сысуев подписал данный документ [8]. К тому же горняки стали получать деньги из федерального бюджета, что делало их сговорчивее. 23 мая пикетчики Междуреченска с рельсов ушли и движение по югу области было возобновлено.

Следовательно, действия анжеро-судженских и юргинских пикетчиков уже не имели серьёзного значения. 24 мая одновременно в Анжеро-Судженске и Юрге была снята блокада главного хода Транс-сибирской железнодорожной магистрали в Кузбассе. Правительство пообещало до 1 июля 1998 г. трудящимся и пенсионерам области погасить долги по зарплате и пенсиям, решить многие вопросы социальной защищённости. В случае невыполнения условий указанных в протоколах участники акции на железной дороге оставляли за собой право возобновить акцию протеста в той же форме. В этот же день, 25 мая, губернатор отменил чрезвычайное положение в Кемеровской области [9].

На этом первый этап «рельсовой войны» в Кузбассе закончился. На федеральном, региональном и местном уровне наблюдалось оживление в решении социально-экономических проблем населения. Больше других от действий пикетчиков пострадала железная дорога. Только прямые потери железнодорожников составили более 355 млн рублей [3, с. 60].

Перекрытие Транссиба принесло Кемеровской области и «золотой дождь». Министр путей сообщения Н. Аксёненко, прибывший в составе правительственной комиссии на переговоры с пикетчиками, выделил анжерским шахтёрам на погашение долгов по зарплате 50 млн рублей, а юргинским машзаводчанам 20 млн (деньги перевели из фонда заработной платы железнодорожников). Из Пенсионного фонда поступило 100 млн рублей, благодаря чему в области были закрыты все долги по апрельским пенсиям и начаты выплаты пенсий за май. Были разблокированы госрезервы, начали поставлять лекарства и т.д. [3, с. 60].

Из особенностей «рельсовой войны» в мае выделяются следующие: 1) стихийный характер и нечёткость задач пикетчиков; 2) стремительная радикализация требований; 3) во главе пикетчиков оказались лидеры трудовых коллективов, а не политических организаций; 4) активное участие в акции приняли не только шахтёры, но и представители других профессий, а также работники бюджетных организаций и пенсионеры; 5) чувствовалось колебание в отношении избранной формы борьбы; 6) за всю историю своего развития трудящиеся Кузбасса не знали такой реальной солидарности.

В течение июня Правительство РФ так и не выполнило большинство взятых на себя обязательств. 30 июня 1998 г. Координационный совет городов Кузбасса поставил в известность вице-премьера О. Сысуева о невыполнении подписанных протоколов и инициировал пикетирование железной дороги в городах: Анжеро-Судженск, Юрга и Прокопьевск. Месячное «перемирие» между забастовщиками и Правительством РФ завершилось.

В течение 1–2 июля железная дорога пикетировалась по восемь часов в день. В акции участвовали жители городов: Анжеро-Судженск, Юрга, Прокопьевск, Междуреченск, Осинники, Топки, Ленинск-Кузнецкий и Новокузнецк. Губернатор поддержал требования трудящихся, но вновь высказался против блокады Транссиба. Ни первого, ни второго июля Правительство не предприняло каких-либо мер для ликвидации кризисной ситуации. В итоге, на третий день протеста трудящиеся, безработные и пенсионеры Анжеро-Судженска, Юрги и Топок вновь перекрыли

важную транспортную магистраль. Беспрепятственно шли только пассажирские поезда и электрички. Пикеты солидарности состоялись в Киселёвске, Кемерове, Белове, Ленинске-Кузнецком, Междуреченске. Главным требованием пикетчиков стала отставка президента Б. Ельцина.

Второе «стояние на рельсах» было более организованным, нежели первое. Десятки организаций (даже те, которые раньше не участвовали в забастовках) прислали своих представителей. Обстановка была накалена до предела. Рядом с участниками блокады Транссиба постоянно находились спецподразделения милиции. С первых же дней акции предпринимались попытки уговорить пикетчиков, увести их с рельсов. К ним поступали десятки телеграмм из разных населённых пунктов Кузбасса с просьбой открыть движение поездов. Однако пикетчики не уступали.

Вскоре в Кузбасс прибыла правительственная комиссия во главе с первым заместителем министра топлива и энергетики И. Кожуховским. Появление представителей правительства, а также их обещания по исправлению ситуации повлияло на позицию администрации Кемеровской области. 6 июля региональная исполнительная власть обратилась к пикетчикам с просьбой открыть движение поездов. В этот же день топкинские рабочие прекратили блокирование железнодорожной магистрали [10]. Другие шахтёрские города юга Кузбасса ограничились только моральной поддержкой, так и не «встав» на рельсы. Таким образом, путь с запада на восток был открыт, а юргинцы и анжеро-судженцы вновь держали в блокаде только Томск. Большого смысла данная акция уже не имела. 7 июля на путях Кузбасского отделения дороги простаивали только 17 грузовых поездов, блокированных на главном ходу Транссиба и Томском железнодорожном узле [3, с. 73].

В то же время Координационный совет городов Кузбасса обратился к жителям региона с просьбой о поддержке акции и вновь подтвердил своё требование — отставку Президента. Действия пикетчиков решительно поддержало Законодательное собрание Кемеровской области. 11 июля произошла встреча представителей бастующих городов Кузбасса с правительственной комиссией. Обе стороны выразили готовность к переговорам. Камнем преткновения стала последовательность осуществления переговорного процесса. Правительственная делегация выступала за схему: «разблокирование — комиссия — переговоры». Позиция участников акции выглядела иначе: «комиссия — переговоры — разблокирование». По-прежнему никто не хотел уступать.

В итоге после 10 дней блокирования магистрали каких-либо положительных изменений в разрешении конфликта не произошло. Правительство не хотело встречаться с пикетчиками. Ситуация осложнялась скоплением опасного груза на железнодорожных станциях Кузнецкого края. К тому же ни один, даже соседний, регион страны адекватно не поддержал кузбассовцев в данной акции. Возникал спорный вопрос об экономическом будущем Кузбасса. В этих условиях губернатор А. Тулеев, с одной стороны, занял жёсткую позицию по отношению к тем протестным акциям, которые имели разрушительные для региона последствия. С другой — активизировал меры по борьбе с экономическими преступлениями. 13 июля губернатор обратился к бастующим Юрги, Анжеро-Судженска и Осинников с предложением покинуть рельсы до приезда правительственной комиссии. В этот же день в области приступила к работе бригада Главного управления по

борьбе с экономическими преступлениями МВД России [3, с. 76].

Предложение губернатора встретило неоднозначную реакцию в забастовочной среде. В Юрге, например, 14 — 15 июля, с целью показа своей солидарности с пикетчиками, на рельсы вышли рабочие ещё нескольких цехов машзавода. 15 июля к блокирующим Транссиб 300 машиностроителям присоединились три тысячи человек. Участники протеста утверждали: «Никому теперь не верим!». Обстановка осложнялась и отсутствием каких-либо положительных изменений в темпах погашения финансовых обязательств. На 15 июля по сводному протоколу в Кузбасс поступило только 67% от обещанной суммы [11].

Между тем общественное мнение в бастующих городах Кузбасса всё более склонялось в пользу позиции губернатора. Его, прежде всего, активно поддерживали предприятия и организации, которые не участвовали в блокаде дорог и несли существенные финансово-экономические потери. Действия А. Тулеева по недопущению блокады Транссиба поддерживали все региональные общественно-политические силы, в том числе обком КПРФ [12, л. 6]. Требовали изменить форму протеста и руководители многих предприятий и организаций соседних регионов. Более всего их возмущало сохранение рабочего ритма предприятий и организаций Кемеровской области, в то время как им приходилось сворачивать производство, останавливать работы, сокращать зарплату трудящимся и т.д. Как и в мае, наиболее серьёзные трудности испытывали томские предприятия и организации, так как именно в это время начинался завоз северянам на зиму продовольствия и других товаров жизнеобеспечения, а также поставка стройматериалов для городов и посёлков нефтяников и газовиков.

В этой обстановке А. Тулеев подверг жёсткой критике как участников блокады железной дороги, так и местных руководителей. По мнению губернатора, многие руководители не показывали достаточного уровня рыночного мышления, не проявляли необходимой мобильности в решении важных вопросов функционирования предприятий и организаций. На пикетчиков нарастало и информационное давление, лидерами которого являлись центральные СМИ.

19 июля заместитель председателя правительства О. Сысуев всё же прибыл в бастующий регион и «привёз» в Кузбасс 730 млн рублей по протоколу от 25 мая. К тому же правительство сообщило А. Тулееву, что договорилось с Японией о кредите в 400 млн долларов США на развитие угольной отрасли. В этот же день все блокады железнодорожных магистралей в Кузбассе были сняты, а сами пикеты отодвинуты от полотна дороги на 50 метров [12]. Выступая перед кузбассовцами, О. Сысуев признал ошибку тактики, которую Правительство применяло в мае, чтобы разблокировать Транссиб. Он подписал «заведомо невыполнимые протоколы», лишь бы открыть магистраль. Ещё одним просчётом, по его мнению, было обещание рассмотреть протоколы тех городов, где он не успел побывать. Далее вице-премьер предупредил, что не намерен ездить по городам и предприятиям, чтобы решать их проблемы. Работа должна была строиться по новому принципу — сначала глубокое изучение причин кризиса экономики Кузбасса. С этой целью 22 июля в Кемерове планировалось прислать комиссию правительства, в состав которой должны были войти специалисты всех министерств и ведомств [12].

Жёсткая и уклончивая позиция вице-преьера явно не удовлетворила членов областного забастовочного

комитета. Однако противопоставить какие-либо контраргументы они не смогли, а сил для дальнейшей борьбы было недостаточно. На этом второй этап «рельсовой войны» в Кузбассе прекратился. Наибольший ущерб вновь был нанесён Транссибирской железной дороге, который составил не менее 750 млн рублей [3, с. 85].

«Рельсовая война» в июле 1998 г. имела следующие особенности: 1) инициатива ведения переговоров с представителями правительства постепенно перешла от лидеров забастовочного движения к губернатору; 2) второй этап борьбы, в сравнении с первым, был более организованным и продолжительным.

Итоги «рельсовой войны» в Кузбассе в 1998 г. противоречивы. Положительные результаты, на наш взгляд, следующие: 1) значительно повысилась роль Кемеровской области в социально-политической жизни страны; 2) трудящиеся приобрели хороший опыт отстаивания своих конституционных и трудовых прав; 3) возросло внимание со стороны федерального центра к социально-экономическим проблемам региона.

«Рельсовая война» имела и негативные последствия для Кузбасса: 1) регион понёс серьёзный экономический урон; 2) Кемеровская область стала экономически менее привлекательно выглядеть; 3) разочарование кузбассовцев в итогах общественно-политического движения и перспективах реализации трудового потенциала привело к миграции высоко-квалифицированных кадров из региона.

В целом, высокий уровень общественно-политической борьбы как в Кузбассе, так и в стране в 1998 г. указывает на недостаточную продуманность и излишнюю форсированность рыночных реформ в Российской Федерации в последнее десятилетие XX в.

Библиографический список

1. Чичкин, А. Шахтёры покинули забой, чтобы напомнить о себе / А. Чичкин // Российская газета. — 1998. — 16 мая.
2. Профсоюзы Кузбасса между прошлым и будущим. — Кемерово, 2003. — С. 70.
3. Соловченко, И. С. «Рельсовая война» в Юрге в 1998 году / И. С. Соловченко, К. В. Епифанцев. — Томск, 2009. — 135 с.
4. Архив Юргинской студии телевидения.
5. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. 1311. Оп. 11. Д. 77.
6. Общественная палата Кемеровской области: десятилетний опыт формирования гражданского общества. — Кемерово, 2004. — С. 60.
7. Угольный Кузбасс: страницы истории. — Кемерово, 2005. — С. 241.
8. Протокол заседания рабочей группы по рассмотрению требований, выдвинутых трудящимися и жителями города Анжеро-Судженска // Личный архив П. П. Холопова.
9. Тулеев, А. Г. Кузбасс. Сибирь. Россия... / А. Г. Тулеев. — Кемерово, 2002. — С. 236.
10. Новости, цифры, факты, комментарии. Кузбасс: хроника событий 1997–2007. — Кемерово, 2007. — С. 44.
11. Багаев, Е. Тулеев разблокировал Транссиб. На неделю? / Е. Багаев // Кузнецкий край (Кемерово). — 1998. — 21 июля.
12. ГАКО. Ф. 1311. Оп. 11. Д. 76.

СОЛОВЕНКО Игорь Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики и автоматизированных систем управления.

Адрес для переписки: e-mail: igs-71@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 24.03.2010 г.

© И. С. Соловченко

Книжная полка

ББК 63/П84

Прохорова, А. Д. История исторической науки [Текст]: учеб. пособие / А. Д. Прохорова; ОмГТУ. — Омск, 2010. — 85 с. — Библиогр.: с. 83. — ISBN 978-5-8149-0911-4.

Учебное пособие содержит конспекты лекций по всем разделам дисциплины «История исторической науки», планы семинарских занятий, задания по самостоятельной работе (СРС), контрольные вопросы по каждой теме и библиографический список.

Для студентов специальности «Историко-архивоведение» дистанционной и заочной форм обучения.

ББК 79/Х94

Хроменкова, Н. И. Развитие архивного дела в Сибири [Текст]: учеб. пособие / Н. И. Хроменкова. — Омск, 2010. — 79 с. — Библиогр.: с. 79. — ISBN 978-5-8149-0859-9.

Издание содержит конспекты лекций по всем разделам дисциплины «Развитие архивного дела в Сибири и г. Омске», контрольные вопросы по каждой теме, планы и методические указания к семинарским занятиям, методические указания по СРС, образцы тестовых заданий и библиографический список. Структура и содержание лекций соответствуют стандарту ОмГТУ специальности «Историко-архивоведение».

Для студентов специальности «Историко-архивоведение» дистанционной и заочной форм обучения.

ББК 67.62/Х94

Хроменкова, Н. И. История государственных учреждений [Текст]: учеб. пособие / Н. И. Хроменкова; ОмГТУ. — Омск, 2010. — 94 с. — Библиогр.: с. 91. — ISBN 978-5-8149-0839-1.

Издание содержит материалы по всем разделам дисциплины «История государственных учреждений», контрольные вопросы по каждой теме, образцы тестовых заданий и библиографический список. Структура и содержание глав соответствует Гос. стандарту высшего профессионального образования специальности «Историко-архивоведение».

Предназначено для студентов специальности «Историко-архивоведение» дистанционной и заочной форм обучения.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОМСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ «СОЮЗ ПРАВЫХ СИЛ» В 1999–2004 гг.

Автор обращается к политической и общественной деятельности, проводимой томским отделением политической партии «Союз правых сил» с момента его основания до выборов в Государственную думу Российской Федерации 2003 года. Анализ показывает, что, несмотря на разнообразные направления этой деятельности, она, в силу ряда причин, не принесла желаемых результатов.

Статья базируется на материалах, полученных из архивных и личных источников, а также на публикациях в СМИ.

Ключевые слова: политическая деятельность в Томской области, «Союз правых сил», выборы в Российской Федерации, политические организации, структурное строительство, действия и лозунги.

Идея о создании отделения, очевидно, витала в воздухе, поскольку Томская область изначально являлась одним из наиболее благоприятных районов для развития и продвижения либерально-демократических партий. К примеру, на выборах в Государственную думу Российской Федерации избирательный блок «Союз правых сил» в области поддержало почти 17% избирателей, что являлось пятым результатом среди 80 субъектов федерации. Таким образом, стартовая площадка для начала работы отделения представлялась достаточно широкой и многообещающей.

Тем не менее полноценное формирование томской ячейки партии началось только осенью 2000 года. Так, 30 сентября состоялось общее собрание активистов, посвященное созданию регионального отделения в Томской области общероссийской политической общественной организации «Союз правых сил». На собрании присутствовало 69 человек, а на повестке дня стояло три основных вопроса: собственно о создании местного отделения партии, об уставе ОПОО «Союз правых сил», а также о формировании руководящих и контролирующих органов регионального отделения [1].

После доклада бывшего председателя Томского городского совета народных депутатов Анатолия Черкацкого пункт о создании ячейки был принят единогласно. Устав партии был также принят практически единогласно (двое воздержались), деятельность томского отделения было принято вести в строгом соответствии с федеральным Уставом ОПОО «СПС». В оформленный тогда же координационный совет вошло девять человек, предложенных председателем собрания.

На решение текущих кадровых и организационных проблем активистам потребовалось более полугода, и свидетельство о государственной регистрации было получено отделением только 2 февраля 2001 года, а 28 февраля томское отделение ОПОО «СПС» было официально оформлено как юридическое лицо [2].

Отметим, что в то время томское отделение (как и партия в федеральное объединение в целом) еще не имело право вести самостоятельную политическую деятельность, а потому его участие в политической жизни области носило весьма ограниченный характер. В связи с этим необходимо отметить, что решением координационного совета объединения СПС от 26 февраля 2001 года, представителям томского отделения было предложено заявлять своих кандидатов на участие в выборных комиссиях как представителей партии «Демократический выбор России».

Однако уже 24 мая того же года это постановление было отменено в связи с предстоящим официальным реформированием ОПОО «Союз правых сил» в одноименную политическую партию. Активистам томской ячейки предлагалось принять непосредственное участие в работе избирательных комиссий уже в качестве членов партии «СПС» [3].

Днем ранее состоялось внеочередное собрание Томского регионального отделения организации «Союз правых сил», на котором обсуждались перспективы развития и возможные направления деятельности ячейки внутри формировавшейся партии. В результате обновленный устав и федеральная предвыборная программа «СПС» были одобрены участниками собрания единогласно.

Окончательное же формирование Томского отделения политической партии «Союз правых сил» пришлось на лето 2001 года. В присутствии приглашенных журналистов и «сочувствующих» 19 июля было проведено плановое собрание, посвященное изменению статуса отделения и выборам партактива. Решение по первому вопросу было, судя по всему, принято заранее, а голосование — «за» проголосовало абсолютное большинство делегатов — носило чисто символический характер. Формирование руководящих органов отделения заняло едва ли больше времени, так как политсовет в составе 11 человек, председатель (им стала советник губернатора Томской области Нелли Кречетова) и ревизор отделения были избраны единогласно [3].

К IV кварталу 2001 года была налажена работа отделения по основным направлениям. Так, например, в рамках партийного строительства были созданы первичные ячейки в городе Северске и селе Нарга Томской области. Создается молодежная региональная организация «Союза правых сил», ведется активный поиск потенциальных членов партии, спонсоров и известных людей области, поддерживающих политику партии.

Разрабатываются проекты образовательной программы «Либеральный университет», бизнес-клуба «Правый берег», проводятся митинги и шествия, приуроченные в основном к праздничным датам.

Запущен сайт Томского регионального отделения политической партии «Союза правых сил», однако некоторое время портал работает и обновляется нестабильно из-за частого отсутствия информационного наполнения. Кроме того, планировалось создание ежемесячной передачи «Политические подмостки» на областном радио, ведение рубрик «По инициативе СПС» в одной из независимых региональных газет.

Также организовывается подписка на газету «Правое дело», налаживается схема ее распространения [4].

К июлю 2001 года численность зарегистрированных членов томского отделения «Союза правых сил» достигла 133 человек. Интересно, что уже тогда можно было сделать определенные выводы о привлекательности партии и ее программы для разных слоев населения. Наиболее широкое представительство получили студенты томских вузов — 33 человека, банковские работники и независимые предприниматели — 27 человек, работники средней и высшей образовательной сфер — 41 человек. Отметим, что интересы всех трех категорий изначально рассматривались «СПС» как наиболее близкие по интересам к программным положениям партии. Таким образом, можно сделать вывод, что томскому региональному отделению «Союза правых сил» действительно удалось привлечь к совместной работе представителей наиболее «желанных» социальных групп, хотя нельзя не отметить, что количество прямых сторонников партии все же выглядело достаточно скромно.

В характеристике на собственное отделение, подготовленной летом 2001 года томским партактивом «СПС», определяются следующие приоритеты деятельности ТРО «Союза правых сил»: проблемы высшего образования, молодежная политика, взаимодействие с властью, работа с предпринимателями. Уже к концу года по всем указанным направлениям были развернуты проекты разного масштаба и степени эффективности.

К четвертому кварталу 2002 г. численность регионального отделения партии составляла 152 человека, был налажен обмен информацией и политическим опытом с отделениями Алтайского края, Иркутской, Кемеровской, Ленинградской, Новосибирской и Тюменской областей.

Активно развиваются собственные и федеральные программы. В муниципальных библиотеках работали выставки по проекту «Библиотечка "Союза правых сил"» [4].

Начинает функционировать спланированный еще год назад «Либеральный университет» — пожалуй, наиболее интересный и самостоятельный проект ТРО «СПС». Основной его задачей значилось политическое просвещение жителей региона в либеральном духе посредством нескольких публичных циклов лекций и дискуссий. Кроме того, акция была призвана

расширить количество сторонников партии в регионе и охватывала сразу несколько крупных социальных сфер — от учащихся до предпринимателей. Тематика лекций была поделена на два основных раздела: общемировая теория и практика, а также возможные пути развития Томской области. Курс лекций охватывал не только чисто политические, но и экономические, социальные, производственные и финансовые вопросы. Лекции вели как члены ТРО «СПС», так и сочувствующие партии преподаватели вузов, частные предприниматели и даже студенты.

Интересной особенностью проекта, безусловно, можно считать его широкую ориентацию. В ходе работы были проведены специальные занятия и круглые столы в нескольких школах города. При этом их целевой аудиторией оказывались не только старшеклассники, но и ученики младших классов, их родители и учителя. В рамках акции для школьников были также организованы общеобразовательные и узконаправленные бесплатные экскурсии в музеи и художественные галереи города. Таким образом, можно сделать вывод, что суть проекта во многом сводилась не столько к прямой агитации, сколько к образовательной функции и формированию позитивного имиджа партии среди электората. Объективно оценить результаты работы ТРО «СПС» в рамках этого проекта затруднительно, однако стоит отметить, что уже после первых недель функционирования «Либерального университета» количество постоянных зарегистрированных слушателей составило более ста человек [5].

Параллельно проводятся работы по федеральным проектам «Общественные приемные», «Информационное пространство», разрабатывается проект «Партийная школа» по подготовке кадров для работы в избирательных округах города. В это же время стартует акция «Защитим детей от наркотиков», распространяется одноименная брошюра и листовка «В новый год без наркотиков». Разрабатываются собственные программы посвященные реформированию властных структур в Томской области, борьбе с бедностью и безработицей.

Политическая деятельность в этот период так или иначе сводилась к поддержке двух «своих» кандидатов на выборах в Государственную думу Томской области. Результаты этой деятельности можно считать удачным лишь отчасти: кандидат по Капшацкому избирательному округу № 6 В. Ерёмин был избран депутатом, а баллотировавшийся по Северному избирательному округу № 10 А. Лукьянов занял лишь второе место.

Стоит отметить, что представители партии приняли участие в работе восьми (из двадцати трех возможных) избирательных комиссий Томска.

Организована регулярная работа со СМИ. Помимо радиопередачи «Политические подмостки» материалы о работе и программе партии размещаются в газетах «АиФ в Томске», «Вечерний Томск», «Томский вестник», открыта очередная местная организация в Верхнекетском районе области [5].

Удивительно, но, несмотря на относительно широко развернутую деятельность, активисты отделения «Союза правых сил» в целом практически проигнорировали необходимость создания местных ячеек партии в городах и селах региона. В большинстве районов области партийные подразделения находились в зачаточном состоянии, а малочисленные существовавшие действовали малоэффективно. Как известно, «Союз правых сил» в тот период отнюдь не бедствовал, а инвестиции в местные отделения

партии поступали с завидной регулярностью, так что явные пробелы партийного строительства объяснялись, судя по всему, слабой организацией. Сказалось и недостаточное количество подготовленных кадров — по-настоящему активных членов партии в регионе было не так уж и много, да и им зачастую приходилось координировать по несколько проектов сразу.

Впрочем, объективно оценить тогдашнее финансовое положение ТРО «СПС» достаточно сложно. Во-первых, подобная информация никогда не афишировалась, во-вторых, поскольку источники, находящиеся в открытом доступе, предоставляют достаточно противоречивую информацию. Руководящая верхушка регулярно занималась поиском не только перспективных партнеров и явных сторонников, но и спонсоров, способных поддержать наиболее затратные инициативы партии. Интересно в этом смысле выглядит официальное письмо томского регионального отделения политической партии «Союз правых сил» и лично Нелли Кречетовой директору ОАО «Городской торговый дом» А.Д. Косову. Основная часть письма содержала перечисление развернутых в области проектов и основных направлений деятельности «Союз правых сил», а заканчивалось «убедительной просьбой» об оказании финансовой помощи в виде пожертвования на продолжение уставной деятельности ТРО «СПС». При этом в письме не указывались ни сумма, которую отделение рассчитывало получить, ни возможная выгода от этих вложений для самого А.Д. Косова, не являвшегося членом партии.

Так или иначе, поиск спонсоров среди независимых предпринимателей города томским отделением «Союз правых сил» велся, судя по всему, достаточно успешно, поскольку обязательные финансовые отчисления в центральный руководящий орган партии томский партактив отсылал регулярно, и не один из проектов ТРО не был свернут досрочно.

И если большая часть проектов не требовала местных средств, а, наоборот, оплачивалась «сверху», то позволить себе серьезные денежные отчисления (их размеры зачастую превышали сумму в 100 тысяч рублей) ячейка численностью порядка 150 человек без посторонней помощи вряд ли смогла бы.

В целом же, в рамках в рамках общественно-политической агитации вплоть до выборов в Государственную думу Российской Федерации 2003 года, томское региональное отделение «Союз правых сил» действовало недостаточно инициативно, а подавляющее количество проводимых проектов достаточно строго соответствовало федеральному партийному плану. Уже после выборов отмечалось, что томское отделение не предоставило жителям области конкретных предложений, а их законодательные инициативы смотрелись достаточно невнятно и расплывчато.

Тем не менее в Томске «Союз правых сил» постоянно был на виду, а предварительные соцопросы выявляли достаточно высокую лояльность населения к идеям и лидерам партии. Достаточно неожиданно поддержку партии оказал тогдашний мэр города Александр Макаров. В очередном выпуске телепередачи «Мэр и я» (от 17 ноября 2003 года) он призвал жителей области принять активное участие в выборах и признался, что сам собирается голосовать за «Союз правых сил», поскольку именно эта партия, по его мнению, лучше всех проявила себя в предвыборной борьбе.

Напомним, что в итоге выборы в Государственную думу Российской Федерации 2003 года оказались

провальными для большинства партий правого фланга. В частности, «Союз правых сил» на федеральном уровне не набрал даже 5% голосов и, как следствие, не получил представительства в парламенте. В Томске результат партии также оставался желать лучшего — 7% против 17% в 1999 году вряд ли можно считать удовлетворительными. С этим показателем партия по итогам выборов заняла в области только седьмое место, пропустив вперед не только очевидно сильных конкурентов из «Единой России», КПРФ и ЛДПР, но и гораздо менее «раскрученные» — «Родину», «Российскую партию пенсионеров» [6]. Причины очевидного поражения томские активисты, как и большинство их коллег из других регионов страны, видели в неудачной работе федерального штаба партии и неблагоприятном имидже «первых лиц» «СПС». Очевидные локальные проблемы вроде недостаточного количества и малоэффективной деятельности местных ячеек практически в качестве основных причин поражения практически не рассматривались.

Вопрос о целесообразности дальнейшего существования томского районного отделения партии решался на общем собрании 21 января 2004 года. Поскольку к тому моменту «нежелательные» лидеры партии уже успели заявить о скорой отставке, представители ТРО в целом видели будущее партии достаточно перспективным, было решено продолжить партийное строительство в регионе [7]. Однако, так же как и на региональном уровне, это была уже практически другая партия — на собрании полностью переизбрали политсовет, а место его председателя от Нелли Кречетовой перешло к ректору Томского университета систем управления и радиоэлектроники А. В. Кобзеву.

Библиографический список

1. Документы о регистрации ТРО ПП «СПС» // ОГУ Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 5754. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 — 5.
2. Протокол общего собрания уполномоченных представителей региональных и местных общественных организаций г. Томска по созданию ТРО «СПС» // ОГУ Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 5754. Оп. 1. Д. 5. Л. 1 — 3.
3. Протоколы собраний ТРО ПП «СПС» // ОГУ Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 5859. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 — 7.
4. Отчеты ТРО ПП «СПС» по основной деятельности за 2002 год // ОГУ Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 5859. Оп. 1. Д. 22. Л. 7 — 8.
5. Документы Томского районного отделения политической партии «СПС» по основной деятельности за 2003 год // ОГУ Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 5859. Оп. 1. Д. 33. Л. 3 — 13.
6. Газета «Вечерний Томск» за 2003 год. // Государственный архив Томской области. Ф. Р2038. Оп. 2. Д. 20. Л. 11 — 12.
7. Документы по основной деятельности ТРО ПП СПС за 2004 год // ОГУ Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 5859. Оп. 1. Д. 40. Л. 3 — 4.

ХОМУТСКИХ Илья Сергеевич, аспирант кафедры истории и регионального развития.

Адрес для переписки: e-mail: homelik@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.12.2009 г.

© И. С. Хомутских

АКЦЕПТИРОВАННЫЕ ЧЕКИ ТОМСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ СИБИРИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Статья рассказывает о вынужденных мерах, предпринятых Томским отделением Государственного банка осенью 1918 г. для нормализации местного денежного обращения в период Гражданской войны в Сибири. Описанная в работе эмиссия местных денежных суррогатов не исследована в историографии.

Ключевые слова: бонистика, Гражданская война в Сибири, Томск, бумажные денежные знаки, денежные суррогаты, акцептированные чеки.

Памятники российского бумажноденежного обращения представляют собой ценные исторические свидетельства, исследование которых в контексте изучения традиционных исторических источников является нестандартным взглядом на отечественную историю. Тем не менее научная интерпретация большинства местных денежных знаков, выпущенных в период Гражданской войны в России в 1918–1920 гг. (в том числе и на территории Сибири), остаётся на уровне кратких описаний каталогов и справочников бонистики.

30 июня 1918 г. в Сибири к власти пришло одно из крупных контрреволюционных правительств периода Гражданской войны в России — Временное сибирское правительство. Председателем его Совета министров стал П. В. Вологодский (1884 — 1925) гг.; постминистра финансов занял И. Я. Михайлов (1881 — 1946) гг. Временное сибирское правительство официально заявило, что «...пойдёт по пути создания и укрепления на всей территории Сибири... неизбежного правопорядка и мощной государственности» [1]. С лета 1918 г. этот «...центр антибольшевистской государственности стал доминировать на всём востоке России» [2]. Постановлением Совета министров от 14 сентября 1918 г. было сформировано Центральное управление Государственного банка Сибири, которому подчинялись все находящиеся в Сибири государственные банковские учреждения. Управляющим Государственным банком Сибири был назначен А. А. Скороходов [3]. Но Временное сибирское правительство, как и всякая власть того времени, сразу же столкнулась с одной из острых проблем — разбалансированным денежным обращением. Временное сибирское правительство «...совершенно отрицательно относилось к таким аномалиям денежного обращения, как местные денежные знаки, но денежный кризис приобретал характер всеобщего...» [4]. Придя к власти, Временное сибирское правительство пыталось удовлетворить дефицит наличных денег в обращении введением государственных процентных бумаг, облигаций займов и купонов от них [5], а также узаконением хождения местных денежных знаков, выпущенных ранее в Забайкалье и на Дальнем Востоке [6]. Однако эти меры

не избавляли от нараставшего денежного кризиса, и Временное сибирское правительство осенью 1918 г. издало законодательные акты о начале собственной денежной эмиссии 5%-ных обязательств Государственного казначейства Сибири [7] и разменных казначейских знаков [8]. Но пока Временное сибирское правительство определялось с направлениями денежно-финансовой политики и организовывало собственную «государственную» эмиссию денег, местные финансовые учреждения Сибири, деятельность которых была значительно затруднена из-за дефицита денег в обращении, были вынуждены применять самостоятельные меры для нормализации сложившегося положения, в частности прибегая и к выпуску суррогатных денег. Финансовые учреждения (банки, общества взаимного кредита и пр.), находившиеся на территории, подконтрольной контрреволюционным правительствам в период Гражданской войны, сохраняли свой удельный вес в финансово-экономической сфере, что в условиях слабости центральной власти позволяло им выступать в роли эмитентов денег.

Характерным примером является эмиссия акцептированных чеков Томским отделением Государственного банка (далее — ОГБ), осуществлённая в конце октября 1918 г. Причиной данной банковской эмиссии стал «временный недостаток кредитных билетов и других денежных знаков», угрожавший полным прекращением операционной деятельности [9]. Для регулирования местного денежного обращения руководством Томского ОГБ 12 октября 1918 г., в качестве срочной меры, без санкции Центрального управления Государственного банка было принято решение о выпуске акцептированных чеков номиналами в 100 и 500 руб.¹, имеющих «характер временных квитанций» обязательных к обращению наравне с денежными знаками. Во избежание участия в подготовке и производстве чеков посторонних лиц управляющий Томским ОГБ В. Н. Попов² 17 октября 1918 г. поручил помощнику кассира И. Г. Шпецкому изготовить на кальке рисунок чеков. На следующий день в железнодорожной литографии Томска на специальной заранее приготовленной и сосчитанной бумаге приступили к печатанию защитной сетки;

Таблица 1

Подписи кассиров на чеках номиналом 100 руб.

№ чеков	Кассир	№ чеков	Кассир
1-100	Шпецкий	7101-7600	Кремлев
101-500	Кремлев	7601-7800	Евтропов
501-600	Шпецкий	7801-7900	Селиванов
601-1000	Селиванов	7901-9900	Шпецкий
1001-1100	Раев	9901-10400	Селиванов
1101-2100	Евтропов	10401-10900	Евтропов
2101-3100	Раев	10901-11200	Кремлев
3101-4100	Кремлев	11201-11600	Петров
4101-4700	Селиванов	11601-11800	Евтропов
4701-5100	Евтропов	11801-11900	Петров
5101-6100	Петров	11901-12100	Селиванов
6101-7100	Евтропов	12101-12400	Раев

Источник: ГАТО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 518. Л. 110б.

после чего по изготовленным рисункам, переведённым на литографские камни, началось печатание бланков чеков. Все работы по изготовлению бланков чеков производились в присутствии помощника кассира И. Г. Шпецкого и помощника контролёра Ф. К. Швецова. По окончании производства бланков рисунок чеков был смыт с литографских камней, а бумажный рисунок сожжён. Все испорченные при печатании бланки чеков уничтожили. В период с 20 по 29 октября 1918 г. на изготовленные бланки чеков была нанесена порядковая нумерация и подписи кассиров Томского ОГБ (табл. 1, 2). Часть чеков была пронумерована вручную, часть — с помощью типографской машины-нумератора [10]. Официальная бумага, направленная 23 октября 1918 г. из Томского ОГБ в Томское казначейство, гласила: «Ввиду недостатка денежных знаков, а также в це-

Таблица 2

Подписи кассиров на чеках номиналом 500 руб.

№ чеков	Кассир	№ чеков	Кассир
1-30	Кремлев	1801-2000	Евтропов
31-800	Шпецкий	2001-2400	Шпецкий
801-1000	Евтропов	2401-2500	Петров
1001-1200	Шпецкий	2501-2600	Евтропов
1201-1300	Евтропов	2601-2700	Петров
1301-1800	Шпецкий	2701-3800	Шпецкий
1801-2000	Евтропов		

Источник: ГАТО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 518. Л. 110б.

лях усиления чекового обращения Томское отделение Банка выпускает в обращение чеки 100- и 500-рублёвого достоинства... Отделение просит образцы выпускаемых чеков вывесить на видном для публики месте... Означенные чеки должны приниматься казначейством от публики в платежи...» [11]. Сразу после подписания кассирами и наложения гербовой печати Томского ОГБ чеки стали выпускаться в обращение. Выпуск чеков в обращение производился вплоть до 6 ноября 1918 г. [12]. Общий объём эмиссии составил 3 140 000 руб.³ (табл. 3). Арёлом обращения чеков был город Томск [13]. Во внешнем оформлении и исполнении акцептированные чеки, выпускавшиеся Томским ОГБ, были схожи и представляли собой следующее⁴.

Чек номиналом 100 руб. (рис. 1). Размер 145×105 мм. Напечатан на красно-оранжевой плотной бумаге без водяных знаков. По всему полю знака нанесён декоративный сетчатый фон. На заднем фоне по центру — геральдическая фигура тёмно-красного цвета в виде стилизованных перекрещённых букв «ТОГБ». По центру в орнаментальной рамке чёрного цвета помещён текст в пять строк: «Томское отделение

Здание Томского отделения Государственного банка на улице Миллионной, 11 (ныне — проспект Ленина, 125). Построено примерно в 1880 г., предположительно, по проекту В.В. Хабарова. Фото начала XX в. Музейно-экспозиционный фонд Главного управления Центрального банка России по Томской области

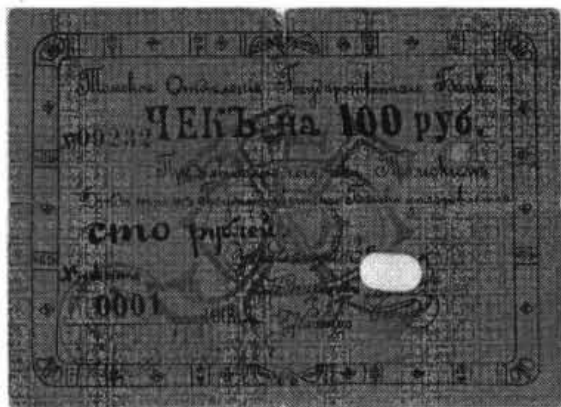

Рис. 2. Чек Томского отделения Государственного банка номиналом 100 руб. Аверс. Томский областной краеведческий музей. Инв. № 752/249

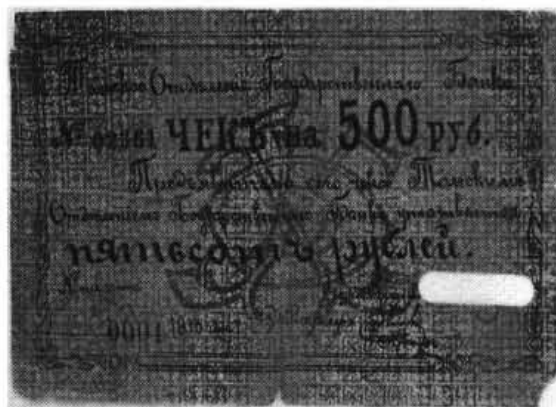

Рис. 3. Чек Томского отделения Государственного банка номиналом 500 руб. Аверс. Томский областной краеведческий музей. Инв. № 752/250

Государственного банка / Чек на 100 руб. / Предъявителю сего чека Томским / отделением Государственного Банка уплачивается / сто рублей». Ниже в правой части знака, одна под другой — подписи управляющего В. Н. Попова (факсимиле), контролёра Н. П. Дейнеки (факсимиле) и кассира (от руки). Вверху в левой части чека расположен порядковый номер; внизу в левой части чека — надпись-трафарет: «№ тек. счёта _____ 1918 года». В нижнем левом углу поверх надписи-трафарета — гербовая дореволюционная печать Томского ОГБ.

Чек номиналом 500 руб. (рис. 2). Размер 165×107 мм. Напечатан на сине-серой плотной бумаге без водяных знаков. По всему полю знака нанесён декоративный сетчатый фон. На заднем фоне по центру — геральдическая фигура серо-синего цвета в виде стилизованных перекрещённых букв «ТОГБ». По центру в орнаментальной рамке чёрного цвета помещён текст в пять строк: «Томское отделение Государственного Банка / Чек на 500 руб. / Предъявителю сего чека Томским / Отделением Государственного Банка уплачивается / пятьсот рублей». Ниже в правой части знака одна под другой — подписи управляющего В. Н. Попова (факсимиле), контролёра Н. П. Дейнеки (факсимиле) и кассира (от руки). Вверху в левой части чека расположен порядковый номер; внизу в левой части чека — надпись-трафарет: «№ тек. счёта _____ 1918 года». В нижнем левом углу поверх надписи-трафарета — гербовая дореволюционная печать Томского ОГБ.

Управляющий Томским ОГБ В. Н. Попов 23 октября 1918 г. направил в Центральное управление Государственного банка Министерства финансов Временного сибирского правительства извещение о произведённой эмиссии (дошедшее до адресата только 13 ноября 1918 г.). Полученное известие о выпуске Томским ОГБ акцептированных чеков, имеющих хождение наравне с денежными знаками, крайне возмутило Министерство финансов. Действия В. Н. Попова были расценены как самовольная мера; 18 ноября 1918 г. в адрес управляющего Томским ОГБ из Омска была отправлена телеграмма, в которой Центральное управление Государственного банка, возлагая персональную ответственность на управляющего Томским ОГБ, настоятельно требовало подробных разъяснений по вопросу осуществлённой банковской эмиссии суррогатных денег [14]. Однако события политического пере-

ворота, произошедшие в те дни в Омске, на некоторый срок отвлекли внимание Министерства финансов от томских чеков. А томские власти в это время столкнулись с другой проблемой — фальшивомонетчеством. В конце ноября 1918 г. в одной из мелких торговых лавок Томска был предъявлен сомнительный чек номиналом 100 руб. Владелец лавки сразу же сообщил о данном факте в Томское ОГБ. Управляющий ОГБ, в свою очередь, уведомил начальника томской Сыскной полиции. В результате экстренных оперативно-розыскных мероприятий, проведённых Сыскной полицией к 7 декабря 1918 г. удалось выяснить, что подделкой чеков занималась преступная организация в составе четырёх человек, возглавляемая Александром Семёновым, работавшим мастером в томской железнодорожной литографии, где изготовлялись бланки чеков. Однако полиции удалось задержать только подельников А. Семёнова: сам он, узнав о том, что находится в розыске, поспешил скрыться. При обысках полицией было изъято 144 сторублёвых бланка чеков без подписи кассира и печати. Задержанные лица показали, что ими было изготовлено бланков чеков на 15000 руб. (то есть 150 штук), из которых им удалось сбыть только шесть [15]. В связи со вскрывшимся фактом фальшивомонетчества сторублёвые чеки, предъявленные в Томское ОГБ, выпускались обратно в обращение уже со специальной надпечаткой на реверсе в виде надписи в четыре строки: «Томское Отдел. Государ. / Банка удостоверяет / платежность этого чека / Кассир — (подпись от руки)».

18 ноября 1918 г. в Омске к власти пришло Российское правительство во главе с верховным правителем адмиралом А. В. Колчаком (1874 — 1920) гг. Правительство Колчака попыталось «...устранить причину появления местных денежных суррогатов, восстановить связи между финансовыми учреждениями страны и создать необходимый запас денежных знаков общероссийского образца для замены суррогатных денежных знаков на полноценные» [16]. Проводя в жизнь мероприятия по унификации денежного обращения, 8 февраля 1919 г. Государственный банк Министерства финансов Российского правительства предписал своим учреждениям предоставить сведения обо всех выпусках местных денег [17]. В марте 1919 г. Государственный банк, открыв на своём балансе специальный счёт по выкупу находившихся в обращении местных денежных

Количественные показатели эмиссии акцептированных чеков
Томского отделения Государственного банка

Номинал, руб.	Изготовлено всего, шт.	Взято для образца, шт.	Испорчено, шт.	Выпущено в обращение, шт.	Изъято, руб.	Осталось в обращении, руб.
100	12438	20	18	12400	2 455 000	684 000
500	3880	59	21	3800		

Источники:

ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 109. Л. 14-15. ГАТО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 518. Л. 11-110б.

Рышков, В. М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.): монография / В. М. Рышков. – Новосибирск: [Б. и.], 2006. – С. 185.

суррогатов, распорядился «...по мере возможности не допускать выпуска в обращение местных бон» [18]. В рамках данной программы Министерство финансов Российского правительства, наряду со многими другими местными деньгами, дало указание вывести из обращения и томские чеки. В телеграмме, полученной Томским ОГБ 11 марта 1919 г., было предписано в срок до 1 мая 1919 г. произвести изъятие из обращения выпущенных акцептированных чеков, рекомендуя «...1 мая 1919 г. оплату чеков допускать в исключительных случаях»; Томскому ОГБ впредь категорически воспрещалось производить повторные выпуски подобного рода [19]. Для проведения процедуры изъятия чеков из обращения Томское ОГБ запросило выслать дополнительно 1 млн руб. сторублёвыми краткосрочными обязательствами Государственного казначейства [20]. Всего к обмену было предъявлено чеков на 2 455 000 руб., в обращении осталось чеков на 684 000 руб. [21]. Процедура изъятия была в некоторой степени облегчена тем условием, что томские чеки, по сравнению с другими местными деньгами, имели относительно небольшой географический ареал обращения – город Томск. Чеки, предъявленные до 1 мая 1919 г. в другие ОГБ, подлежали приёму и высылке для оплаты в Томск [22]. На изымаемых чеках на месте, где на аверсах было размещено факсимиле управляющего Томским ОГБ, ставилась перфорация (специальный пробивной знак) в виде вытянутого эллипса. Изъятие из обращения томские чеки, как и другие выводимые из обращения местные денежные знаки, согласно указанию Министерства финансов Российского правительства, уничтожались по месту выпуска [23].

Местные суррогатные денежные знаки периода Гражданской войны в Сибири представляют собой особую категорию вещественных исторических свидетельств, характеризующих политико-экономическое состояние региона. Исследования местных денежных знаков необходимы для изучения истории российского денежного обращения. Благодаря сочетанию источниковедческого анализа самих денежных знаков и анализа архивных исторических источников, впервые вводимых автором в научный оборот, становится возможным воссоздание наиболее полной и объективной картины одного из интересных эпизодов денежного обращения Сибири в период Гражданской войны.

Примечания

¹ Наряду с чеками указанных номиналов Томским ОГБ был запланирован дополнительный выпуск чеков номиналом в 1000 руб., однако он так и не был осуществлён (См. ГАТО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 780. Л. 185).

² Василий Никитич Попов, статский советник. Служил управляющим Томским отделением Государственного банка в 1909–1919 гг. (См. Главный банк России в Томске 1865–2010: исторические очерки / Л. А. Арых, В. Д. Баландина, Л. А. Васильева и др. – Томск: Изд-во ТПУ, 2010 – С. 50-53.).

³ Приводимая цифра объёма эмиссии томских чеков совпадает с подсчётами, произведёнными автором (См. ГАТО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 518. Л. 11-110б.)

⁴ Чеки односторонние, все надписи выполнены на старой дореволюционной орфографии. Оттиск гербовой печати Томского ОГБ сделан фиолетовой краской.

Библиографический список

1. Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-5. Оп. 6. Д. 85. Л. 1.
2. Рышков, В. М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.): монография / В. М. Рышков. – Новосибирск: [Б. и.], 2006. – С. 15.
3. Государственный архив Забайкальского края (ГА ЗК). Ф. 207. Оп. 2. Д. 32. Л. 2.
4. Местные денежные знаки и политика Министерства финансов // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1919. – № 7. – С. 3.
5. Собрание узаконений и распоряжений Временного сибирского правительства. – 12 октября 1918 г. – Отдел первый. – Омск: Типография Акмолинского областного комиссариата. – Ст. 126.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 2. Л. 38.
7. Собрание узаконений и распоряжений Временного сибирского правительства. – 12 октября 1918 г. – Отдел первый. – Омск: Типография Акмолинского областного комиссариата. – Ст. 128.
8. Собрание узаконений и распоряжений Временного сибирского правительства. – 19 октября 1918 г. – Отдел первый. – Омск: Типография Акмолинского областного комиссариата. – Ст. 136.
9. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 198. Оп. 1. Д. 780. Л. 186.
10. ГА РФ. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 109. Л. 8-80б., 120б-13; ГАТО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 518. Л. 10 – 10 об.
11. ГАТО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 780. Л. 185 – 185 об.
12. ГАТО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 518. Л. 11, 19.
13. Местные денежные знаки и политика Министерства финансов // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1919. – № 7. – С. 2.
14. ГАТО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 518. Л. 54.
15. ГА РФ. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 109. Л. 14 – 15.

16. Алямки, А. В. История денежного обращения в 1914–1924 гг. (по материалам Зауралья) / А. В. Алямки, А. Г. Баранов. — Екатеринбург: Изд-во УГТУ, 2005. — С. 236–237.

17. ГА ЗК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 293. Л. 47.

18. Деятельность Государственного банка за первую треть 1919 г. // Вестник финансов, промышленности и торговли. — 1919. — № 19. — С. 1.

19. ГА РФ. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 105 Л. 6; ГАТО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 518. Л. 16, 43.

20. ГАТО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 518. Л. 19.

21. Рынков, В. М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 — начало 1920 г.): монография / В. М. Рынков. — Новосибирск: [Б. и.], 2006. — С. 185.

22. ГА ЗК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 293. Л. 109.

23. ГА ЗК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 293. Л. 269.

ПЕТИН Дмитрий Игоревич, аспирант кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: e-mail: dimario86@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 17.09.2009 г.

© Д. И. Петин

УДК 93/94

А. В. ГРЕБНЕВ

Нижегородский государственный гуманитарный университет

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1922–1924 гг. В ОСВЕЩЕНИИ НОВЕЙШЕЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В предлагаемой статье рассматриваются и анализируются основные тенденции и направления в изучении финансовой политики большевистского руководства 1922–1924 гг., которые нашли проявление в постсоветской российской историографии. Хронологические рамки обзора — начало XXI в.

Ключевые слова: денежная реформа, Советское государство, российская историография, новая экономическая политика, народный комиссариат финансов.

Финансовая политика начального периода НЭПа и времени реконструкции народного хозяйства СССР постоянно находится в центре внимания современных российских исследователей. В 1990-е гг., в условиях поиска путей осуществления экономических реформ и пересмотра устаревших концепций в постсоветской историографии интерес к данной проблематике усилился.

Денежная реформа 1922–1924 гг. не случайно попала в постсоветскую эпоху в центр внимания исследователей [1, 2, 3]. Опыт данной реформы оказался востребованным в связи с предпринимавшимися руководством Российской Федерации в 1990-е гг. практическими мерами по стабилизации денежной системы. Была предпринята попытка отойти от интерпретации денежной реформы как исключительно «технического» мероприятия по выпуску новой валюты. Она стала оцениваться как важное экономическое и социальное достижение НЭПа. Так, В. А. Белоусов подчеркивал, что создание целостной и устойчивой денежной системы способствовало обороту на внутреннем рынке, введению коммерческого расчета в промышленности, укрепляло режим экономии в народном хозяйстве [4]. Данную точку зрения разделяли и некоторые другие авторы, отмечавшие, что выпуск в обращение твердой валюты содействовал переходу от всеобщего бартера к нормальной оптовой торговле [5].

В данной связи следует указать и на излишне преувеличенные оценки установления твердой

денежной единицы — червонца, которое в начале 1990-х гг. представлялось некоторыми историками в качестве важнейшего завоевания НЭПа и вместе с тем орудием его проведения [6].

Дело в том, что в этот период высказывались и критические оценки финансовой реформы 1922–1924 гг., проведение которой не было, по мнению некоторых авторов, плановым и бескризисным.

В ряде исследований первой половины 1990-х гг. предпринимались попытки рассмотрения процесса оздоровления финансов в контексте различных экономических аспектов НЭПа. Так, И. Б. Орлов пытался проанализировать влияние хозяйственного кризиса 1923 г. на развитие основных этапов денежной реформы. По мнению Орлова, существование ценовых «ножниц» ускорило необходимость перехода к твердой валюте. На этом фоне временная приостановка промышленного роста расценивалась И. Б. Орловым как одно из негативных последствий ошибочной банковской политики [7].

В центре внимания С. С. Ильина оказались вопросы, связанные с проведением хлебозаготовок и их влиянием на состояние денежного обращения. Как полагает автор, успех заготовок во многом зависел от быстрого и результативного осуществления денежной реформы 1922–1924 гг. Ильин указывал на то, что она опиралась на быстрое восстановление и развитие хозяйства. С. С. Ильин не был склонен к переоценке уровня финансового механизма при НЭПе, который не мог возникнуть в зрелом виде в отсталой стране.

Хозяйственные потрясения, вызванные «ножницами цен» и хлебозаготовительными кампаниями, оказывали влияние на денежную систему. Вместе с тем они были вызваны просчетами большевистского руководства в области финансовой политики. Денежно-кредитная система в период НЭПа характеризовалась также такими не соответствующими мировым стандартам структурными элементами, как ограничение конвертируемости валюты, директивными ценами, слабостью банковской системы [8].

В 1990-е гг. были опубликованы работы организаторов денежной реформы 1922–1924 гг., хранившиеся до того времени на полках «спецхрана», которые стали одним из важных источников по истории ее проведения [9, 10]. В российской историографии в связи с этим наблюдался процесс «возвращения» имен политиков и ученых, непосредственно занимавшихся проблемами финансовой стратегии НЭПа. Появились работы, посвященные Г. Я. Сокольникову, с именем которого ряд российских авторов связывал непосредственное осуществление финансовой политики первой половины 1920-х гг. Однако вопрос о роли Сокольникова в оздоровлении финансов СССР оказался дискуссионным. Одни авторы считали именно его организатором и теоретиком, подлинным «отцом» денежной реформы 1922–1924 гг. Другие, наоборот, полагали, что нет никаких оснований приписывать ее авторство Г. Я. Сокольникову [11, 12].

В данной связи в центре внимания исследователей оказалась фигура видного ученого-экономиста 1920-х гг. А. Н. Юровского и его труды. Именно Юровского, а не Сокольникова, некоторые авторы оценивали как одного из разработчиков валютной политики НЭПа. Он даже был удостоен звания «архитектора» денежной реформы 1922–1924 гг. [13]. Помимо этого появились публикации, в которых были восстановлены основные вехи биографии Н. Н. Кутлера [14].

Введенный в научный оборот материал создал условия для появления в 1990-е гг. ряда работ, положивших начало комплексному рассмотрению истории денежной политики периода НЭПа. Весомый вклад в становление отечественного историографического направления, связанного с изучением кредитно-денежной политики 1920-х гг. внес Н. С. Симонов [15].

Основываясь на солидной источниковой базе, Симонов пришел к следующим выводам. По его мнению, советская финансовая политика периода НЭПа претерпела значительные метаморфозы. Настоятельная потребность восстановления народного хозяйства дала большевистскому руководству основания для создания твердой валюты посредством финансовой политики, сочетавшейся с объективными законами товарно-денежного обращения.

В этом же направлении проводил свои исследования Ю. П. Бокарев [11, 16]. Он сосредоточил основное внимание на деятельности Госбанка в период НЭПа. По мнению Бокарева, переход к устойчивой денежной единице в начале 1920-х гг. способствовал развитию товарно-денежных отношений между городом и деревней. Вместе с тем историк отмечал, что вслед за успешным проведением реформы, давшей Советской стране твердую валюту, финансовая политика большевистского руководства была сведена к подрыву рыночного равновесия. В публикациях Ю. П. Бокарева был проведен анализ дискуссии между Госпланом и Народным комиссариатом финансов, из которой он сделал вывод о недооценке роли денежного обращения в развитии хозяйства СССР. В результате, по мнению Бокарева, НЭП, начавшаяся с резкого обесценивания денег, им и завершилась.

Данной точки зрения придерживался и С. М. Борисов. Историк писал, что осуществленная в первой половине 1920-х гг. денежная реформа позволила перевести экономику Советского государства на рельсы нормальных денежных отношений. Однако впоследствии, под воздействием командно-административных методов, червонец превратился в типично падающую валюту [17].

В 1990-е гг. свой вклад в разработку истории финансовой политики большевистского руководства и денежной реформы 1922–1924 гг. внес А. С. Соколов [18]. По его мнению, сущность реформирования, отнюдь не сводилась к простой замене одних бумажных денег другими. Главное заключалось в переходе от денежной системы, которая функционировала в рамках натурального распределения, к денежной системе рыночного типа.

Некоторые аспекты становления и развития денежной системы НЭПа нашли отражение в монографическом исследовании В. А. Шишкина [19]. В его монографии был привлечен обширный архивный материал. Шишкин проследил влияние характера политической системы на содержание экономических реформ начала 1920-х гг. Историк подчеркнул, что переход к НЭПу снял вопрос об отмене денег и заставил вернуться к задаче проведения финансовой реформы, завершившейся в конечном счете блестящим результатом.

Различные вопросы и сюжеты, относящиеся к истории финансовой политики Советского государства, рассматривались в публикациях И. В. Быстровой, О. Г. Назарова и других авторов в контексте развития торговли, промышленности, направлений валютной политики, внутрипартийной борьбы в РКП(б) [20, 21, 22, 23].

В начале XXI в. в российской историографии было продолжено изучение финансовой составляющей НЭПа, которое получило сильный импульс в 1990-е гг. [24, 25].

И. Б. Орлов указывал на противоречивый характер финансовой политики Советского государства. Он соглашался с тем, что твердый бюджет и конвертируемая валюта явились высшим достижением финансовой политики НЭПа. Однако историк показал кратковременность положительных результатов денежной реформы для народного хозяйства [26].

Хотя Е. Г. Гимпельсон в своей монографии и не ставил задачи исследования экономической истории (его прежде всего интересовало развитие советской политической системы), однако он в целом высоко оценивал результаты финансовой реформы 1922–1924 гг. [27]. Гимпельсон высказал предположение, что реформа способствовала выходу СССР из экономического кризиса, оказала благоприятное влияние на включение ее хозяйства в мировой рынок, что позволило перейти к твердой валюте — конвертируемому червонцу.

Аналогичное направление — изучение роли денежной реформы в восстановлении финансовой системы — развивал Д. В. Дерезовский [28]. По мнению Дерезовского, в результате реформы 1922–1924 гг. страна получила вполне упорядоченное денежное устройство с достаточно устойчивой валютой.

Новое направление в российской историографии начала XXI в. — сравнительный ретроспективный анализ денежных реформ различных эпох. Был сделан вывод о том, что в ходе разработки плана советской денежной реформы 1922–1924 гг. использовался опыт проведения денежной реформы Российской империи второй половины 1890-х гг. [29]. Ю. П. Бокарев выявил

общее и особенное в осуществлении финансовых реформ в Германии, Англии и в Советской России. В результате он пришел к выводу о складывании одинакового финансового механизма, позволявшего осуществлять внешнюю торговлю [30, 31].

Был продолжен процесс «возвращения» забытых имен выдающихся русских экономистов и специалистов в области финансового дела, внесших вклад в оздоровление денежной системы страны [32]. Так, в центре внимания В. А. Гениса оказалась деятельность Л. А. Шейнмана на посту председателя правления Государственного банка. По мнению Гениса, Шейнман внес значительный вклад в восстановление кредитной системы Советской России в период НЭПа [33].

В начале XXI в. появились новые исследования А. С. Соколова, которые являлись органически продолжением и развитием тех наработок, которые были сделаны историком в предшествующий период. При этом Соколов расширил не только хронологические рамки своих научных изысканий, но значительно расширил их тематику, хотя основным стержнем для него оставалась денежная реформа начала XX в. [34, 35].

Одной из отличительных особенностей российской историографии истории денежной реформы 1922–1924 гг. являлось то, что основное внимание исследователей сосредоточилось на изучении ее хода на общегосударственном уровне, на уровне центральных финансовых ведомств и партийно-государственных органов. На данное обстоятельство указывал, в частности, А. Г. Феклисов, посвятивший свою диссертационную работу освещению роли местных органов власти Среднего Поволжья в ходе денежной реформы 1922–1924 г. [36]. Феклисов писал по данному поводу, что в случаях, когда историки касались положения дел на периферии, то делалось это, как правило, для иллюстрации на региональных примерах ее проведение в общегосударственном масштабе. В результате региональный аспект данной проблемы, как подчеркивал А. Г. Феклисов, оставался малоизученным [36].

Он предпринял плодотворную в целом попытку заполнения данной историографической лакуны на материалах Среднего Поволжья [36]. Подобного рода исследования, в которых в качестве географического региона был избран Урал, правда, уже в хронологических рамках 1920-х–1930-х гг., осуществила О. Г. Бриллиантова [37]. Вслед за ней И. Е. Денисевич предприняла попытку рассмотрения в этих же хронологических рамках ход финансовой реформы на советском Дальнем Востоке [38].

Авторам не только удалось выявить региональную специфику проведения финансовой реформы 1922–1924 гг., но и показать те методы и способы действий для ее успешного осуществления, которые были взяты на вооружение большевистским руководством в центре и его представителями на местах.

В целом, за два почти десятилетия, прошедшие после распада СССР, российским историкам удалось внести весомый вклад в изучение денежной реформы 1922–1924 гг. Были исследованы обстоятельства, которые привели к идее ее проведения. Появились публикации, в которых давались характеристики конкретных людей, стоявших у истоков этой реформы. Солидные наработки имеются в деле изучения конкретного хода и последствий проведения реформы 1922–1924 гг. как в центре, так и на местах.

Наконец, предприняты попытки ретроспективного сравнения ее с денежными реформами в Российской империи конца XIX в., в Советском Союзе в 1947 г. и в Российской Федерации 1990-х гг. Это

позволило существенно обогатить представления об исторической значимости финансовой составляющей новой экономической политики 1920-х гг.

Библиографический список

1. Виноградов, М. Российский золотой червонец: опыт политики и экономики 20-х годов / М. Виноградов // Банковское дело. — 1998. — № 12. — С. 7–8.
2. Ганелин, К. Рождение золотого червонца / К. Ганелин // Центр. — 1994. — № 3. — С. 57–59.
3. Рязанов, В. Т. Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. / В. Т. Рязанов. — СПб.: Наука, 1998. 796 с.
4. Белоусов, Р. А. Экономическая история России: XX век / Р. А. Белоусов. — М.: ИздАТ, 1999. — 422 с.
5. Перламутров, В., Соловьев, С. Григорий Сокольников — «советский Витте» / В. Перламутров, С. Соловьев // Российская Федерация. — 1996. — № 6. — С. 35–38.
6. Роговин, В. З. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы / В. З. Роговин. — М.: Терра, 1992. — 399 с.
7. Орлов, И. Б. Социально-экономические аспекты общепартийной дискуссии 1923–1924 годов / И. Б. Орлов. — М., 1994. — 88 с.
8. Ильин, С. С. Из опыта хлебозаготовок в период НЭПа / С. С. Ильин // Экономист. — 1994. — № 6. — С. 89–92.
9. Сокольников, Г. Я. Новая финансовая политика: на пути к твердой валюте / Г. Я. Сокольников. — М.: Наука, 1995. — 349 с.
10. Юровский, А. Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927). Избранные статьи. / А. Н. Юровский. — М.: Начала-пресс, 1996. — 418 с.
11. Бокарев, Ю. П. Денежная реформа 20-х годов и ее последствия / Ю. П. Бокарев // Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв. М.: Прогресс-академия, 1994. — С. 199–228.
12. Генис, В. А. Упрямый нарком с Ильинки / В. А. Генис // Сокольников Г. Я. Новая финансовая политика: на пути к твердой валюте. — М.: Экономика, 1995. — 216 с.
13. Юровский, В. Е. «Архитектор» денежной реформы 1922–1924 гг. / В. Е. Юровский // Вопросы истории. — 1995. — № 2. — С. 138–143.
14. Николаев, М. Г. Царский министр делает советские деньги. Страницы биографии Н. Н. Кутлера — одного из творцов денежной реформы 1922–1924 гг. / М. Г. Николаев. — М.: ГИМ, 1999. — 140 с.
15. Симонов, Н. С. Из опыта финансово-экономической реформы 1922–1924 годов / Н. С. Симонов // НЭП: приобретения и потери. — М.: Наука, 1994. — С. 99–113.
16. Бокарев, Ю. П. Государственный банк в годы НЭПа / Ю. П. Бокарев // Финансист. — 1995. — № 30–32.
17. Борисов, С. М. Червонец — валюта НЭПа / Борисов С. М. // Деньги и кредит. — 1992. — № 1. — С. 15–25.
18. Соколов, А. С. Финансовая реформа 1921–1924 гг. и ее место в партийно-государственной политике: авторефер. дис. ... к.и.н. — М.: МГУ, 1997. — 28 с.
19. Шишкин, В. А. Власть. Политика. Экономика. После-революционная Россия (1917–1928) / В. А. Шишкин. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. — 396 с.
20. Быстрова, И. В. Государство и экономика в 1920-е гг.: борьба идей ирреальность / И. В. Быстрова // Отечественная история. — 1993. — № 3. — С. 19–34.
21. Назаров, О. Г. Проблемы планирования в контексте борьбы за власть в условиях НЭПа / О. Г. Назаров // Отечественная история. — 2000. — № 4. — С. 54–65.
22. Аникин, А. В. История финансовых потрясений от Джона Ло до Сергея Кириенко / А. В. Аникин. — М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2000. — 384 с.
23. Гимпельсон, Е. Г. НЭП и советская политическая система. 20-е годы / Е. Г. Гимпельсон. — М.: ИРИ РАН, 2000. — 437 с.
24. Суворова, А. И. Политическая власть, государство и ры-

нок в 1920—1923 годы / Л. И. Суворова // НЭП в контексте исторического развития России. XX век. — М.: ИРИ РАН, 2001. — С. 57—85.

25. Лютов, А. Н. Обреченная реформа. Промышленность России в эпоху НЭПа / А. Н. Лютов. — Ульяновск, 2002. — 266 с.

26. Россия изловская/под ред. акад. А. Н. Яковлева. — М.: Новый хронограф, 2002. — 446 с.

27. Гимпельсон, Е. Г. НЭП. Новая экономическая политика Ленина—Сталина. Проблемы и уроки. (20-е годы XX века)/ Е. Г. Гимпельсон. — М.: Собрание, 2004. — 304 с.

28. Дерезовский, Д. В. Червонец периода НЭПа и возможность введения золотого рубля в современной России / Д. В. Дерезовский // Денежные реформы в России: История и современность: сборник статей. — М.: Древнихранилище, 2004. — С. 153—157.

29. Федорченко, Е. А. Денежные реформы С. Ю. Витте и Я. Г. Сокольников: общее и отличное / Е. А. Федорченко // Экономический журнал. — 2001. — № 1. — С. 220—232.

30. Бокарев, Ю. П. Денежные реформы в России и Европе 20-х годов / Ю. П. Бокарев // НЭП в контексте исторического развития России XX в. — М.: ИРИ РАН, 2001. — С. 129—151.

31. Бокарев, Ю. П. Российская экономика в мировой экономической системе (конец XIX—30-е гг. XX в.)/Ю. П. Бокарев// Экономическая история России XIX—XX вв.: современный взгляд. — М.: РОССПЭН, 2001. — С. 433—457.

32. Муравьева, Л. А. Жизнь и деятельность Н. Н. Кутлера / Л. А. Муравьева // Деньги и кредит. — 2004. — № 8. — С. 54—61.

33. Генис, В. А. Опальный сановник / В. А. Генис // Политический журнал. — 2004. — № 10. — С. 15—17.

34. Соколов, А. С. Финансовая политика Советского государства/Александр Станиславович Соколов; МГУ им. М. В. Ломоносова. — М.: Звезда, 2005. — 359 с.

35. Соколов, А. С. Финансовая политика Советского государства в годы НЭПа: 1921—1929 : дис. ... д-р ист. наук. — М.: МГУ, 2006. — 583 с.

36. Феклистов, А. Г. Финансовая политика органов местной власти Среднего Поволжья в период проведения денежной реформы 1922—1924 годов : автореф. дис. ... канд. ист. наук/ А. Г. Феклистов. — Пенза : ПГУП, 2002. — 22 с.

37. Бриллиантова, О. Г. Финансовая политика Советского правительства и ее осуществление на Урале (1921—1939 гг.): д-р ист. наук/О. Г. Бриллиантова. — Оренбург: Оренбург. гос. аграр. ун-т, 2004. — 482 с.

38. Денисевич, Е. И. Финансовая политика Советского государства на Дальнем Востоке России (1922—1930-е гг.): дис. ... канд. ист. наук / Е. И. Денисевич. — Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока ДВО РАН, 2007. — 232 с.

ГРЕБНЕВ Артем Владимирович, аспирант кафедры истории.

Адрес для переписки: e-mail: AGV1@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 15.02.2010 г.

© А. В. Гребнев

УДК 947 : 336.747 (282.247.42)

И. Ю. ДЕНИСОВ

Омский юридический институт

ДЕНЕЖНЫЕ ЗНАКИ НЕОБЯЗАТЕЛЬНОГО ОБРАЩЕНИЯ ТЕРРИТОРИЙ УРАЛА

В изучении вопросов, связанных с историей отечественного денежного обращения в годы Гражданской войны, отсутствует комплексный подход. Исследователей интересовали преимущественно либо сугубо экономические проблемы, либо проблемы социально-политической истории. В то же время практически всеми игнорировались вопросы, посвященные истории денежного обращения как самостоятельного явления, оказывавшего непосредственное влияние на социально-экономические и общественно-политические процессы в стране, особенно касавшиеся не советской системы, а всего спектра так называемых антисоветских правительственных образований. В данной статье анализу подвергнуты процессы денежного обращения на Урале в период нахождения у власти именно этих структур.

Ключевые слова: денежное обращение, дензнаки, денежные суррогаты, Урал.

Среди частных денежных знаков, выпущенных на Урале в период Гражданской войны, значительное место занимают знаки различных потребительских обществ, товариществ, объединений и кооперативов. Кооперативные суррогаты денег являются одной из особенностей денежного обращения в данном регионе в названный период.

Это связано с активным развитием кооперативного движения в Уральском регионе. Начиная с 1864 г. с введением "Положения о Губернских и уездных земских учреждениях" на Урале возникли потребительские общества, кредитные и ссудо-сберегательные товарищества, кустарные и рабочие артели, вольные

и сословные кассы, сельскохозяйственные общества. На момент начала Первой мировой войны на Урале насчитывалось порядка 60 крупных городских, сельских и заводских обществ [1, с. 39].

«...Первая мировая война нарушила сложившиеся экономические отношения. Продовольственная разруха, искусственное вздутие цен, спекуляция на дефицитных товарах послужили мощным толчком к развитию кооперации. На этом фоне девиз "В египетской силе!" оказался очень привлекательным для многих уральцев. К началу Гражданской войны 4 крупных Союза координировали работу более ста потребительских обществ с оборотным капиталом

свыше 10 млн рублей. Кроме потребительской кооперации широко развивалась и кооперация кредитная, объединявшая на Урале более 3 млн человек...» [1, с. 45].

Появление ряда первых разменных денежных суррогатов на Урале отмечается уже в 1905–1907 гг. Нехватка разменных денег (прежде всего мелкой монеты) в 1915–1916 гг. привела к новым частным эмиссиям. Однако производство частных денег на Урале достигнет пика в 1918–1919 гг. — в разгар Гражданской войны.

Революция и Гражданская война сильно ударили по частному предпринимательству. С началом войны экономика оказалась полностью разбалансированной. Деньги, выпускавшиеся в 1918–1919 гг. каждой новой властью почти мгновенно обесценивались. Выжившие в кооперативных объединениях частные дельцы в условиях нехватки в обращении денежных знаков для нормализации торговли (прежде всего своей) организовывали собственные эмиссии денег. И, как это ни было странно, наиболее защищённым платёжным средством становились знаки кооперативов и предприятий, поскольку на них при любой власти можно было взять хоть какой-то товар.

По мнению В. Ю. Козлова, «гражданский оборот сам создаёт для себя средства удовлетворения «денежного голода». Знаки, используемые им в этом случае, могут быть лишены как государственно-правовой санкции, так и какого-либо экономического обеспечения (разменного фонда и т. д.). Единственной гарантией их ценности является сама потребность оборота в выполнении ими денежных функций, и эта потребность является существенной и достаточной для обеспечения ими полной меновой ценности» [1, с. 51–52]. За период 1917–1919 гг. в Уральском регионе насчитывалось более 100 различных частных эмитентов; подавляющее большинство их — различные кооперативные объединения [2, с. 161–194].

Многие выпуски уральских частных и кооперативных бон имели целью преодоление «разменного голода». Поэтому в обращение, как правило, выпускались боны 1–3-х номиналов. Их выпуск обеспечивался товарами кооператива или наличностью разменного фонда в серебряной монете. Поэтому частные и кооперативные эмиссии не подрывали без того шаткие позиции рубля и не оказывали разрушительного действия на экономику, каковое имело место от эмиссий различных государственных образований. Многие из частных и кооперативных выпусков денежных знаков были примитивны в полиграфическом исполнении и внешне мало походили на деньги. Материалом для их изготовления, как правило, была плотная бумага, а чаще тонкий картон. Единственными атрибутами, удостоверяющими подлинность, зачастую служили печать организации и подписи членов правления кооператива. Некоторые кооперативные эмиссии пропагандировали движение кооперации. Так, на ряде кооперативных денежных знаков встречается изображение рукопожатия, символизирующее единение и верность, и девиз «В единении — сила!» [3, с. 329].

Отдельно стоит отметить денежные знаки, выпускавшиеся горными заводами и округами. Отмечено порядка 10–15 уральских горных предприятий, выпускавших в период гражданской войны собственные денежные знаки (Надеждинск, Кыштым, Белорецк, Лысьва и др.) [1, с. 292–300]. Эта категория эмитентов представляла собой традиционный вид местной промышленности с присущей ему местной

индустриальной спецификой. В период Гражданской войны большое количество крупных горнозаводских предприятий, разбросанных и удалённых друг от друга, начинали жить собственной жизнью, до предела ужимая связи с внешним миром и вводя собственные деньги. Причина ввода собственных денег — нехватка общегосударственных знаков. Неофициально население называло денежные знаки горных предприятий «горные» или «горнорудные».

«Большинство горных округов Урала к весне 1919 г. имели собственные чеки или обязательства. Они не были обязательны к приёму в государственной торговле и кредитных учреждениях, хотя и имели широкое распространение на чёрном рынке. Заводские выпуски были обеспечены крупной наличностью, хранившейся в кассе завода или на банковском счёте; в худшем случае завод объявлял обеспечением собственное имущество...» [4, с. 190]. В отношении своего обеспечения деньги горных предприятий, так же как и знаки кооперативов, были безвредны для экономики.

Денежные знаки горных предприятий, по сравнению с кооперативными знаками, были несколько лучше по качеству. Купюры имели индивидуальные номера, тогда как знаки кооперативов могли выпускаться литерной серией. Тенденцией эмиссий горных предприятий стал выпуск эмиссионной группы денежных знаков. Главным бичом кустарного производства денежных знаков оставалась их очень плохая обрабатываемость. Они быстро скапливались на руках у держателей, и эмитенту приходилось прибегать к дополнительным выпускам. На уровне небольших предприятий такая «инфляция» оборачивалась обычно не падением курса, а прекращением к приёму в платежи. По сравнению со знаками кооперативов «горные» деньги принимались населением хуже. Отмечены факты подделок «горных» денег [4, с. 190].

В. М. Рышков отмечает тенденцию взаимосвязи «горных» и кооперативных денег: «...Практически весь запас общероссийских денег в горнозаводских округах резервировался для взаимодействия с внешним миром. Предприятия, получавшие недостаточно денег для выплаты заработной платы, осуществляли выплату купонами, ордерами. Попадавшие к населению общенациональные деньги перетекали в кассы кооперативов в качестве авансов за товары. Взамен выдавались кооперативные боны, на которые осуществлялся местный кооперативный товарооборот. Подобная практика сформировалась в регионе с начала 1918 г.» [4, с. 193].

Только в Уральском регионе правительство адмирала Колчака в рамках своей программы по унификации денежного обращения подконтрольных территорий не пыталось вмешиваться в местное денежное обращение, тогда как в Сибири предпринимались попытки запретить выпуски частных денежных знаков [4, с. 175–190].

С приходом к власти большевиков условия деятельности уральских кооператоров усложнились. В 1920–1921 гг. реализовывались два документа советского правительства: «Положение о социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию» от 14 февраля 1919 г. и декрет «О потребительских коммунах» от 16 марта 1919 г.

В условиях «чрезвычайки» и гиперинфляции обычная деятельность кооперативов стала невозможна, и сохранились только те из них, которые начали выполнять функции распределительных подразделов исполкомов. Каждый гражданин должен был стать членом потребительской коммуны и припи-

саться к одному из её пунктов. Функции банков начали переходить к Народному комиссариату продовольствия, который контролировал распределение. Кроме того, нельзя сбрасывать со счётов и те обстоятельства, что кредитные союзы были просто уничтожены, а в период Гражданской войны проявилось резко негативное отношение населения и к сельскохозяйственным кооперативам, т.к. именно через них Советская власть пыталась проводить так называемую «первую коллективизацию» [1, с. 52–54].

Уральская заводская промышленность с приходом советской власти была национализирована; соответственно, были ликвидированы и эмитенты заводоуправления. С их ликвидацией «горные» деньги теряли свою платёжную силу. В 1920 г. на Урале появился только один (!) новый эмитент — Висимо-Уткинское общество потребителей. В каталогах денег обязательного обращения на территории Урала нет ни одного частного денежного знака с датой «1921 г.»

Таким образом, с приходом власти Советов производство частных денег на Урале временно прекратилось вплоть до повторного развития кооперации на Урале к 1922 г., что будет связано уже с мероприятиями нэпа.

Библиографический список

1. Козлов, В. Ю. Боны и люди. Денежное обращение Урала: 1830–1933: Опыт нестандартного каталога / В. Ю. Козлов. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. — 352 с.
2. Рябченко, П. Ф. Полный каталог бумажных денежных знаков и бон России и СССР (1769–1990) гг. / П. Ф. Рябченко, В. И. Нибака. — Киев: РАО «Укрвизполграф», 1991. — 592 с.
3. Похлёбкин, В. В. Словарь международной символики и эмблематики / В. В. Похлёбкин. — М.: Центрполиграф, 2006. — 543 с.
4. Рынков, В. М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 — начало 1920 гг.) / В. М. Рынков. — Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2006. — 212 с.

ДЕНИСОВ Игорь Юрьевич, проректор по внешним связям, заведующий кафедрой иностранных языков. Адрес для переписки: e-mail: igor_u_denisov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.02.2010 г.

© И. Ю. Денисов

УДК 930.1.

О. П. ВОЛОДЬКОВ

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

КОРРЕКТИРОВКА М. Н. ПОКРОВСКИМ СВОИХ ВОЗЗРЕНИЙ НА ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛИЗМ ПРИ ПЕРЕИЗДАНИЯХ «РУССКОЙ ИСТОРИИ В САМОМ СЖАТОМ ОЧЕРКЕ»

Статья посвящена изучению эволюции взглядов историка-марксиста М.Н. Покровского на торговый капитализм в конце 1920-х — начале 1930-х гг.

Ключевые слова: историография, М.Н. Покровский, история России, торговый капитализм.

В 1929 г. М. Н. Покровский подготовил седьмое, а в 1931 г. десятое издание первых двух частей «Русской истории в самом сжатом очерке», в которые впервые внёс незначительные по объёму изменения, однако касавшиеся в основном торгового капитализма [1, с. 611–612, 615]. Концепция торгового капитализма осталась неизменной в своих основах. Никакой ошибки при её рассмотрении по любому изданию «Сжатого очерка» не возникнет. Эта концепция представляла единое целое независимо от его «номера». Зачем же тогда заострять внимание на выбранной теме? Ведь и по существу, и даже по форме «торгового капитализма» мало что поменялось. Однако характеристика этих изменений нам кажется небезынтересной. Всё-таки исследуемые модификации относятся к завершающему периоду

научной деятельности историка. Мы не будем также специально оговаривать, когда именно в рамках этого периода они были осуществлены, хотя в большинстве своём интересующие нас правки были сделаны в десятом издании. Хронологически мы остановимся на взглядах М. Н. Покровского на русскую историю по середину XIX века.

Рассматривая соотношение классовых сил и классовую борьбу в России XVI века, М. Н. Покровский ранее отмечал, что в ней победили «возникающий и обретающийся торговый капитал» в союзе с мелким дворянством [1, с. 618]. В новой редакции эта пара была обозначена как поместное дворянство и горожане. Причём историк вполне осознавал всю условность использования в этом контексте термина «класс». Действительно, «торговый капитал» смотрелся здесь

не слишком уместно. Казалось бы, вместо «горожан» лучше было использовать «купцов». Но сам учёный объяснял выше, что в их число входили гости, мелкое купечество и чёрный люд [2, с. 54]. Что касается термина «торговые капиталисты», то М.Н. Покровский вообще использовал его довольно редко.

Первоначально историк отмечал, что «к огромному усилению эксплуатации крестьян» привело «торжество помещиков и торгового капитала» [1, с. 619]. Затем он заменил последний на «купцов» [2, с. 58]. Иными словами, имело место продолжение разговора о победе двух новых классов. В данном случае учёный выразился даже точнее, упомянув конкретный «разряд» городского населения. Вряд ли городская беднота была в числе «триумфаторов».

М.Н. Покровский снял своё отдельное высказывание о том, что русские цари Борис Годунов и Василий Шуйский были воплощением торгового капитала [1, с. 619]. Однако концептуально это ничего не изменило. Ведь русские цари, начиная с Грозного, при всех переизданиях «Сжатою очерка» изображались им как субъекты торгового капитала, своей политикой способствовавшие утверждению торгового капитализма. Шуйского он по-прежнему называл «царём боярско-купеческим, и даже больше купеческим, чем боярским» [2, с. 66]. Следовательно, классом, на который он опирался, не мог быть торговый капитал, который, как известно, не является социальной группой, а всё те же боярство, купечество. Нам представляется, что в данном случае корректировка была вызвана и другим обстоятельством. Историк на самом деле убрал тезис о том, что «у Годунова мы видим хорошие стороны тогдашнего капитализма», включая стремление «обуздать развивающуюся эксплуатацию массы населения», а у Шуйского — только плохие. При сохранении такой постановки вопроса следовало классифицировать «капитализм» по его положительным и отрицательным сторонам. Да и по существу в концепции М.Н. Покровского торговый капитализм накануне Смуты, наоборот, привёл к безудержной эксплуатации масс. Таким образом, учёный избавился от своего рода логического несоответствия.

М.Н. Покровский скорректировал ещё одно своё положение из истории Смуты начала XVII века, а именно, убрал отдельное упоминание о том, что дворяне могли восстать «против бояр и богатого купечества», составив социальную базу Лжедмитрия II, воевавшего с Шуйским [1, с. 619]. Однако и здесь не произошло коренного переворота в концепции учёного. В рассматриваемом отрывке в целом историк выдвинул на первый план классовую борьбу между дворянами и крестьянами в лагере противников Шуйского, специально выделив классовые противоречия между ними [2, с. 66-67]. Об этом свидетельствует то, что наряду с вышеизложенным, М.Н. Покровский изъём ещё два высказывания, затенявших главное в разрывавшейся борьбе: 1) о том, что Шуйский просто «подкупил ... мелких помещиков», поддерживавших Лжедмитрия II; 2) о том, что они, поначалу и отчасти, сочувствовали «стремлениям крестьян» [1, с. 619]. Теперь более чётко прозвучала мысль о том, что крестьяне пошли против всех эксплуататорских классов, независимо от принадлежности последних к тому или иному политическому лагерю [2, с. 67].

В более ранних изданиях «Сжатою очерка» М.Н. Покровский отмечал, что реформированная при первых Романовых армия была более эффективным орудием внешней политики, которую проводил «торговый капитал» [1, с. 619]. Затем последний был

изъят из этого контекста. Тогда выяснилось, что вся эта фраза относится к упомянутому несколько выше царю [2, с. 77]. Получилось, что армия суть орудие не самодержавия и торгового капитала, а просто самодержавия. С нашей точки зрения, это тоже уместная корректировка. Ведь армия является инструментом, при помощи которого государство выполняет одну из важнейших своих функций. Развитие торгового капитализма создаёт для него материальную базу, то есть, ресурсов у государства становится больше и т.п. Сторговым капитализмом соображается и направленность действий вооружённых сил. Два последних вывода в данном случае «не пострадали».

В положении о том, что казацко-крестьянская революция С. Разина поколебала «торговый капитал и созданные им порядки» [1, с. 620], М.Н. Покровский заменил последние на «помещичье государство» [2, с. 79]. Здесь в духе известной концепции учёного можно было использовать достаточно подходящий термин «торгово-капиталистическое государство». Первая версия историка, действительно, выглядела несколько расплывчато. Видимо, М.Н. Покровский снова хотел выделить основное классовое противостояние эпохи — между феодалами и крестьянами. Раз господствующим классом в схеме учёного были, так или иначе, землевладельцы, эксплуатировавшие крестьян в целом феодальными методами, то и характеристика государства как помещичьего возмущения не вызывает и против торгового капитализма не свидетельствует.

В следующем отрывке М.Н. Покровский характеризовал порядки в Речи Посполитой в первой половине XVII века, по его словам аналогичные московским, в полном соответствии с концепцией торгового капитализма. В новом изложении он заменил «торговый капитал» [1, с. 620], под влиянием которого наступали барщинное, крепостническое хозяйство на отдельно «торговлю» и «капитал». Следовательно, речь шла о землевладельцах, которые, имея соответствующие стимулы и возможности, направляли на рынок определённый продукт, например, хлеб. Купцы лишь распространяли его в широких географических рамках вплоть до Португалии. Понятно, что «новые порядки», о которых историк писал в дальнейшем, были не в торговом капитале, а в производстве. В любом случае указание на торговлю, прежде всего, и торговый капитал в том числе, является не более чем «косметической» правкой.

В одной реплике М.Н. Покровский предложил интересную формулировку «торгового феодализма» [2, с. 80, 90], правда, применительно к тому же Польскому государству, которой прямо заменил «торговый капитализм». К сожалению, эксперимент особого распространения не получил.

Применительно к истории России XVII века, учёный совершенно справедливо заключил, что старые феодальные учреждения были не нужны не «торговому капиталу» [1, с. 620], а «бюрократическому государству». Дело в том, что соответствующий отрывок у историка был посвящён машине, выжимавшей «из народной массы то, что та сработала». Значит, речь шла именно и конкретно о государственном механизме. Далее М.Н. Покровский писал уже специально о государственном учреждении — Боярской думе, на смену которой пришёл Сенат [2, с. 93]. В этом контексте речь шла в самом точном значении о бюрократизации государства, как признаке надвигающегося абсолютизма.

Сначала учёный писал, что петровская монархия в отношении откупной системы, в «области сбора

налогов» «отражает свою основную сущность как владычество торгового капитала» [1, с. 620]. Затем он отнёс откуп к числу главных источников «первоначального накопления в крепостной России». В схеме историка это последнее и торговый капитализм друг другу не противоречили. Данный процесс происходил в условиях торгового капитализма, средствами торгового капитализма. Кроме того, М.Н. Покровский расширил хронологические рамки своей оценки функционирования откупной системы до всего XVII века в России и «XVI — XVIII столетий» в Западной Европе.

М.Н. Покровский в новой редакции отметил, что в пореформенный период в России «сохранилась та машина, которая выжимала из крестьянина «прибавочный продукт», только в усовершенствованном виде» [2, с. 94, 108], убрав отсюда упоминание о торговом капитале, благодаря которому всё это произошло [1, с. 620]. Из дальнейшего разъяснения становится понятно, что под «машиной» он понимал «всё дворянское государство», не исключая и самого помещика как землевладельца. Заметим, что М.Н. Покровский, скорее, заменил «торговый капитал» на «государство», нежели «торговый капитализм» на «феодализм». Кроме того, выше историк посвятил небольшой отрывок как раз участию торгового капитала в процессе отмены крепостного права, используя «старые» формулировки: «очень наивно думать, что торговый капитал и его союзник... сдадутся»; «торговый капитал сохранил всё же мелкого самостоятельного производителя» и т.п.

Учёный охарактеризовал «устройство государства до конца XIX в. в России» более нейтрально: оно осталось таким, каким «сложилось к началу XVIII в.» [2, с. 107 — 108, 111]. Ранее историк добавлял сюда «торговый капитал», который и создал его в это время для удовлетворения своих потребностей [1, с. 620]. С нашей точки зрения, в данном случае уместнее было использовать понятие «торговый капитализм», тем более, что сам М.Н. Покровский здесь же писал о торжестве промышленного капитализма в конце XIX века. Кроме того, далее в «Сжатом очерке» он рассказывает о том, как царь из первого купца в своём государстве превратился «в первого миллиардера вселенной», то есть, не торговал пенькой и салом, а вкладывал деньги в зарубежные банки и т.п. [2, с. 111]. В этом случае вопрос о том, оставался ли царь торговым капиталистом или, может быть, уже стал промышленным, только бы запутал читателя.

Историк убрав утверждение о том, что Польское государство, как и Российская империя, было создано торговым капитализмом [1, с. 620]. Конечно, историей Польши было удобнее всего «пожертвовать» в случае уменьшения частоты упоминания «торгового капитализма». Да и конкретно речь у М.Н. Покровского шла о разделах Речи Посполитой. Главное для него здесь было в том, что эта страна стала добычей торгового капитала, русского в частности [2, с. 115 — 116].

В отношении пореформенного периода учёный считал, что земская реформа оставила у помещика меньше власти на местах. Сначала он связывал это с позицией торгового капитала, не забывшего, что часть дворянства в 1861 г. «перешла на сторону его конкурента — промышленного капитала» [1, с. 621], а затем с позицией полукрепостнического государства, которое меньше доверяло помещику, чем «чисто крепостническое» [2, с. 135]. Как видим, опять произошла подвигка от торгового капитала к помещику. Это вполне оправданно, так как «не забыть» могли представители торгового капитала, в большинстве своём те же помещики.

Если ранее у М.Н. Покровского в результате буржуазных реформ Александра II «торговый капитализм отступил... на всех фронтах очень недалеко и сейчас же прочно укрепился на «тыловых позициях»» [1, с. 621], то в поздней редакции это сделало «крепостническое государство» [2, с. 135]. Такая поправка верна даже при сохранении в полной неприкосновенности «старого» взгляда на торговый капитализм. Ведь согласно ему, торговый капитализм в России последней трети XIX века продвинулся далеко вперёд, вышел на новые рубежи и т.п., а вот государство начало эволюционировать в сторону буржуазной монархии. Значит, крепостническое в нём, по крайней мере, по удельному весу, отступало.

До 1929 г. в «Сжатом очерке» М.Н. Покровский указывал на то, что в западной литературе под капитализмом понимается только промышленный капитализм. Поэтому она не замечала, что в России середины XIX века капитализм уже был, только торговый [1, с. 623]. В издании этого года он просто указал, что в ту эпоху в нашей стране не было такого капитализма, как в Западной Европе. В сущности, разными словами было сказано одно и то же. Однако здесь есть и подтекст. Первая формулировка М.Н. Покровского косвенно подталкивала читателя (особенно склонного вычлнять главные мысли в виде цитат) к выводу о том, что в России с XVII века была одна формация — капиталистическая, которая имела два этапа развития. Между тем ещё с дореволюционного периода своего творчества учёный отмечал коренные различия между торговым капитализмом и промышленным в способе производства. В целом приходится признать, что предназначенные для корректировки высказывания в «Сжатом очерке» были подобраны историком весьма удачно, а произведенные замены повышали научное качество текста.

С одной стороны, при сокращении удельного веса «торгово-капиталистических» формулировок, М.Н. Покровский руководствовался, несомненно, тактическими соображениями. Ведь убирая в одних случаях положения о «государстве торгового капитала», в других он сохранял их в прежней редакции, с прежней терминологией, хотя именно с последней точки зрения корректировку можно было провести достаточно легко и без больших затрат времени. С другой стороны, учёный устранял некоторые более или менее формальные «шероховатости» своей концепции. Например, государство торгового капитала изображалось как государство феодалов, крепостников-помещиков и т.п. Но ведь в схеме историка такое государство всегда было, прежде всего, их государством, только теперь акцент с выраставшего внутри крепостного имения денежного хозяйства переносился на всё это имение. Конечно, в результате формулировка становилась более точной, но только при её использовании в самом общем виде. Неудачно смотрелись в своё время «неаккуратные» высказывания М.Н. Покровского в духе куда-то пошедшего, что-то сделавшего торгового капитала. Иногда в таких случаях вообще правильнее было говорить не о торговом капитале, а о классах, государстве, пусть сколько угодно торгово-капиталистических. В этом отношении корректировки учёного были, пожалуй, наиболее плодотворными. Заметим, что М.Н. Покровский, убирая отсюда-либо отсылку к торговому капитализму, ни разу не высказался в том смысле, что в данном конкретном случае торговый капитализм ни при чём, что он не сыграл никакой роли, и т.п. Понятно, что при помощи «первоначального накопления капитала» или «крепостнического государства» в принципе

невозможно опровергнуть «торговый капитализм», тем более, ограничиваясь сферой «фразеологии».

Библиографический список

1. Соколов, О. Д. Примечания / О. Д. Соколов, Н. Г. Савич // Покровский М. Н. Избранные произведения. — Кн. 3. — М.: Мысль, 1967. — С. 611—624.
2. Покровский, М. Н. Русская история в самом сжатом очерке / М. Н. Покровский // Покровский М. Н. Избранные произведения. — Кн. 3. — М.: Мысль, 1967. — С. 7—558.

ВОЛОДЬКОВ Олег Павлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения.
Адрес для переписки: e-mail: volodkov@list.ru

Статья поступила в редакцию 01.02.2010 г.
© О. П. Володьков

УДК 940.2.

П. В. ЦЫГАНКОВ

Омский государственный
университет им. Ф. М. Достоевского

М. А. ТЕРЕНТЬЕВ И ЕГО ТРУД «РОССИЯ И АНГЛИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ»: У ИСТОКОВ АЗИАТСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

В статье представлен анализ труда одного из лучших отечественных востоковедов XIX века М. А. Терентьева «Россия и Англия в Средней Азии», посвящённого проблеме присоединения Средней Азии к России.

Ключевые слова: внешняя политика Российской империи, завоевание Средней Азии, геополитика.

Вторая половина XIX в. знаменательна для России помимо прочего огромными территориальными приобретениями в Средней Азии. Отношения России со среднеазиатскими государствами приобрели систематический характер ещё при Петре I, однако заметных результатов политика России в этом регионе достигла только в середине XIX в., когда к ней были присоединены города Ташкент и Туркестан (1865) и было образовано Туркестанское генерал-губернаторство (1867). В течение 1860-х — первой половины 1870-х гг. был установлен протекторат России над тремя крупнейшими ханствами Средней Азии: Бухарским (1868), Хивинским (1873) и Кокандским (1876).

Эти территориальные приобретения России вызвали бурное обсуждение на Западе, прежде всего в Англии, которая опасалась приближения России к границам Индии. Однако в самой России особого ажиотажа в связи с данными событиями не было. Пожалуй, наибольшее внимание политике России в Средней Азии уделяли общественно-политические журналы того времени: «Вестник Европы», «Военный вестник», «Русский вестник» и др. Особое место занимают исследования и мемуары военных востоковедов того времени — современников и участников событий, связанных с продвижением России в Среднюю Азию: Л. Ф. Костенко, А. И. Макшеева, Я. Д. Маламы, В. А. Перовского, М. А. Терентьева, М. Г. Черняева и др.

Среди них заметное место принадлежит работам выдающегося востоковеда и лингвиста Михаила Африкановича Терентьева (1837—1909) [1]. Необходимо отметить, что в тот период востоковеды преимущественно принадлежали к военному сословию. Среднеазиатский регион тогда был малоизвестен,

и первые существенные сведения о нем могли сообщить именно офицеры, принимавшие участие в покорении этой обширной территории. М. А. Терентьев, окончив в 1864 г. Константиновский кадетский корпус, поступил на службу в чине корнета в Чугуевский уланский полк. С 1867 г. он находился в распоряжении Туркестанского генерал-губернатора, где имел возможность ознакомиться с историей края, с бытом и культурой местного населения. Эти материалы, а также дипломатическая переписка генерал-губернатора с правителями среднеазиатских государств легли в основу его фундаментального исследования «Россия и Англия в Средней Азии» [2]. Эта работа посвящена сравнению имперских целей и позиций России и Англии в Средней Азии, а также подробнейшим образом освещает события, происходившие в этом регионе в период после образования в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства.

Данный труд и сегодня вызывает огромный интерес среди исследователей, в первую очередь потому, что содержит наиболее полное описание присоединения Россией Средней Азии. Не следует забывать также, что Терентьев был непосредственным участником тех событий — сначала в качестве старшего помощника Аулиеатинского уездного начальника (с сентября 1867), затем — чиновника для особых поручений при начальнике Зеравшанского округа (с сентября 1869), наконец, делопроизводителя управления начальника Зеравшанского округа (с декабря 1869). Таким образом, он имел возможность составить довольно полное представление о событиях, происходивших в этом крае, не только по письмам и депешам генерал-губернатора.

В своей работе Терентьев уделяет особое внимание дипломатической переписке между Россией, Англией и среднеазиатскими ханствами. Помимо этого, он приводит мнения и оценки иностранных авторов и политических деятелей относительно политики России в Средней Азии. Автор использует также работы отечественных (М.Н. Галкина «Этнографические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю» (1867), Д.И. Романовского «Заметки по среднеазиатскому вопросу» (1868), А.И. Макшеева «Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае» и др.) и зарубежных (Ф. фон Гельвальда «Die Russen in Central Asien», Дж. Хуттона «Central Asia: from the Aryan to the Cossack» (1875) и др.) исследователей Средней Азии и, кроме того, материалы английских и русских газет. Таким образом, Терентьев задействовал достаточно широкий круг доступных ему источников, что позволяет оценить его труд именно как научное исследование, хотя автор и преследовал и очевидные политические цели — обосновать правомерность политики России в Средней Азии.

Переходя к собственно содержанию работы, необходимо остановиться на ее структуре. В основу ее положен территориально-хронологический принцип. Автор описывает историю взаимоотношений России со среднеазиатскими ханствами, начиная со времени окончания золотоордынского ига при Иване III и заканчивая подписанием мирных договоров с этими ханствами во второй половине XIX в.

Первая глава имеет вводный характер, ибо описывает отношения России со среднеазиатскими ханствами на протяжении длительного периода — от распада Золотой Орды до образования Туркестанского генерал-губернаторства. В последующих главах Терентьев последовательно рассматривает отношения России с тремя среднеазиатскими ханствами — Бухарой, Кокандом и Хивой — во второй половине XIX в. Далее автор переходит к описанию английских владений в Средней Азии и Индии, уделяя особое внимание отношениям России с Англией и ее колониями в этом регионе. Последние главы посвящены оценке российских завоеваний в Средней Азии.

В первой главе особый интерес представляет обоснование причин войны России со среднеазиатскими государствами. Основной причиной российского движения на восток Терентьев называет «погоню за спокойствием» на границах, что в то же время, по его мнению, очерчивает и его пределы: «Так перекатыми линиями и подвигается Русь на восток, в тщетной погоне за спокойствием. И не найдет она этого спокойствия, пока не дойдет до народа, уважающего договоры, народа настолько цивилизованного, чтобы не жить грабежом и разбоем, и настолько сильного, чтоб не допускать нарушения наших границ разбойничьими набегами своих шаек» [2, с. 9]. В сущности, это являлось программой движения на восток, которой Россия вынуждена была придерживаться вплоть до второй половины XIX в., когда вышла к границам британских владений в Средней Азии.

Началом завоевания Туркестана Терентьев считает взятие Ташкента летом 1865 г. [2, с. 18]. После этого кокандцы, которым ранее принадлежал город, более не ввязываются в открытую борьбу, однако на сцену вступают бухарцы с требованием немедленно освободить Ташкент и Чимкент, в противном случае угрожая русским «священной войной» [2, с. 18]. Но уже успехи русских войск в ходе военных действий

в 1866 г. — Иржарский бой, штурм Ходжента, Ура-тубе и Джизака — укрепили позиции России в регионе [2, с. 19]. Из вновь приобретённых земель был образован особый военный округ, начальником которого был назначен генерал-адъютант К. П. фон Кауфман.

Основной задачей нового генерал-губернатора было развитие местного управления в крае. Для облегчения управления новым краем император наделил туркестанского генерал-губернатора политическими полномочиями на дипломатические сношения со всеми ханами и независимыми владетелями Средней Азии, что значительно упрощало управление краем [2, с. 20].

Одновременно с учреждением Туркестанского генерал-губернаторства шли переговоры о заключении мира с Бухарой. Мирный договор был составлен генералом Н. А. Крыжановским, тогдашним Оренбургским генерал-губернатором, и дополнен фон Кауфманом. Договор этот состоял из 12 статей, в основном касающихся вопросов свободной торговли между Российской империей и Бухарой, установления границ, а также охраны караванов от разбойников [2, с. 22 — 23].

Текст договора был отправлен эмиру вместе с письмом фон Кауфмана, в котором он предостерегает эмира от необдуманных действий: «Война противна моему Государю, но она, по воле Его, неизбежна, если соседи не соблюдают святости договоров и неприкосновенности границ и несправедливо поступают с Его подданными. Недавнее прошлое да послужит тому примером и да удержит оно каждого от вражды с Россией» [2, с. 23]. Однако на это письмо, как и на другие письма генерал-губернатора эмиру, был получен весьма неопределённый ответ. Было ясно, что бухарцы тянут время. Весной 1868 г. стало известно, что бухарское духовенство объявило священную войну против русских [2, с. 26].

Вину за начало войны с Бухарой М. А. Терентьев возлагает на бухарцев, полагая, что главной ее причиной является несоблюдение последними договоров, что, по его мнению, является вообще особенностью среднеазиатских народов: в договорах они видят проявление слабости, решающее значение для них имеет сила [2, с. 33]. И Кауфман эту силу показал. В течение двух месяцев были разбиты бухарские войска и взят Самарканд, — по оценке Терентьева, — это было ключевое событие в войне России с Бухарой, так как в Самарканде располагались гидравлические сооружения, контролировавшие снабжение всей Бухары водой. Кроме того, этот город имел важнейшее историческое и религиозное значение для всей Средней Азии, и его потеря нанесла удар по авторитету эмира и в то же время сильно подняла авторитет «белого царя» в глазах народов региона [2, с. 30].

Взятие Самарканда имело также широкий резонанс и в российском обществе, а точнее, слухи о возможном возвращении этого города под власть эмира. С одной стороны, это, безусловно, выглядело бы как милость со стороны российского императора, но с другой — означало потерю контроля над Бухарой, что неминуемо привело бы к новой войне. Этот слух приводится в журнале «Вестник Европы» [3, с. 421], причём автор статьи уверен в его правдивости. Он выражает надежду, что правительство не пойдёт на такой шаг, хотя «вся логика действий правительства говорит об обратном». О каких «действиях» идёт речь? В своём исследовании М. А. Терентьев упоминает такую возможность лишь как гипотети-

ческую и предупреждает, что такой шаг был бы крайне нежелателен, так как в таком случае Россия лишалась возможности контролировать Бухару: «Сохранив Самарканд за собою, мы всегда можем оставить Бухару без хлеба и воды, то есть обресть ее на голод и жажду и, таким образом, регулировать страсти фанатического населения путем спасительной диеты!». Кроме того, в новом проекте мирного договора, составленном фон Кауфманом, указывается, что теперь Самарканд отходит к России [2, с. 29]. Хотя впоследствии бухарский эмир и просил вернуть ему Самарканд, но слух о возврате города остался лишь слухом.

В этой войне войска Бухары ничего не смогли противопоставить России. Предприняв последнюю попытку со 2-го по 8-е июня, закончившуюся неудачей, эмир написал фон Кауфману письмо, в котором просил принять его капитуляцию и позволить ему удалиться в Мекку. Однако генерал-губернатор отвечал, что не имеет целью уничтожение Бухарского ханства и что единственная цель его — мир: «как прежде, так и теперь повторяю, что мир и спокойствие соседних с Россией владений составляет цель моих трудов и даже моих войн» [2, с. 32].

По мирному договору Россия получила помимо ранее присоединенных областей Самарканд и Катты-Курганский округ. Эмир также должен был выплатить 500000 рублей золотом или серебром [2, с. 33]. Таким образом, война с Бухарой закончилась её полным поражением и фактическим принятием протектората.

Как уже указывалось выше, эмир надеялся вернуть утраченные города. Понимая, что генерал-губернатор никогда не пойдёт на это, он решил попросить об этом императора. В Петербург было отправлено посольство с письмом эмира, в котором тот писал, что с его стороны повода к войне не было, и просил вернуть всё, несправедливо отобранное. Однако это письмо не возымело действия на императора [2, с. 40]. Терентьев упоминает о записке в Лондон английского посла в Петербурге, который писал, что император жёлоет вернуть Самарканд Бухаре, однако сделать это нет никакой возможности [2, с. 41]. Остаётся только удивляться, замечает наш автор, осведомлённости англичан в сравнении с осведомлённостью российских чинов при дворе.

Надо сказать, что в дальнейшем эмир несколько раз просил генерал-губернатора вернуть Самарканд, однако враждебных действий не предпринимал. Отказался он и от участия в создававшейся тогда мусульманской коалиции, которая, судя по всему, была попыткой вновь сравить Россию и Бухару [2, с. 46]. Дальнейшие отношения России с Бухарой были отношениями добрых соседей и союзников. Правда, как отмечает Терентьев, одно обстоятельство внушало опасения генерал-губернатору: в Средней Азии преемники правителей не считали себя обязанными исполнять договоры своих предшественников, поэтому смерть нынешнего эмира могла привести к новой войне с Бухарой. То же беспокойство высказывают и авторы статей в журнале «Вестник Европы». Так, в уже упоминавшейся статье автор даже ставит вопрос, почему на бухарский престол не был посажен наш чиновник — тогда бы «эта проблема исчезла сама собой и мы бы получили все выгоды от такого положения» [3, с. 420]. Однако не следует забывать, что Россия владела гидравлическими установками Самарканда, которые позволяли контролировать подачу воды в Бухару. Ввиду этого обстоятельства возникают сомнения, что новый правитель вступил бы в открытое противостояние с Россией.

В то же время Терентьев указывает, что, несмотря на всю показную покорность эмира, условия мирного договора выполнялись далеко не полностью. В 1872 г. в Бухару был направлен агент Министерства финансов, задачей которого было выяснить ситуацию на бухарском рынке. Выводы оказались неутешительными: рынок полностью принадлежит англичанам; кроме того, работоторговля, несмотря на все усилия по её прекращению, продолжала процветать [2, с. 54]. Возможно, для напоминания эмиру о необходимости исполнять статьи мирного договора, в 1874 г. российский посол в Бухаре К. В. Струве заключил новый договор, который фактически полностью повторял договор 1868 г. Однако этот договор не имел практического значения, за исключением первой статьи о границах. Дело в том, что статьи, обязывающие эмира прекратить работоторговлю, и статьи об учреждении караван-башей и караван-сарая не выполнялись, потому что это не было во власти эмира, и, кроме того, Россия была не в силах их использовать, поскольку не была представлена на бухарском рынке.

Таким образом, договор в значительной своей части не имел силы, что определяло отношения бухарцев к нему. Тем не менее, хотя и медленно, Россия продолжала усиливать свое влияние в Бухаре, однако окончательному завершению этого процесса — вхождению Бухары в состав Российской империи — помешала революция 1917 г.

Переходя к описанию отношений России с Кокандом, М. А. Терентьев указывает, что в отношениях с этим ханством К. П. фон Кауфман придерживался «правдивости и откровенности» и его действия были направлены на сохранение мира между Кокандом и Россией [2, с. 65]. В 1868 г. с Кокандом был подписан договор, который касался в основном вопросов торговли и был идентичен договору с Бухарой [2, с. 66]. В отношениях с кокандским ханом Кауфман жёстко придерживался избранной линии, поэтому тот в итоге подчинился, и отношения России с ханством стали напоминать отношения соседей. Правда, Терентьев приводит иную, отличную оценку этих отношений бывшего секретаря американского посольства в Петербурге Скайлера, который в 1873 г. посетил Туркестан и Коканд. В частности, Скайлер писал, что хан враждебно относится к России, а русские купцы терпят притеснения, торговые пошлины значительно превышают обусловленные договором, а на представления со стороны русского правительства не обращается никакого внимания [2, с. 78]. Однако Терентьев уверяет, что американец ошибается: хан не только обращал пристальное внимание на требования генерал-губернатора, но и старается предупредить их. Отвечая Скайлеру, он заявляет: «В случае нужды мы просто передвинем ходжентский батальон в Коканд, а пока нужды этой нет, пока хан показывает вид, что верит нашей неизменной правдивости и доброжелательству, — до тех пор и наши выгоды и наша честь обязывают нас вести дела так, чтобы хан не имел повода жаловаться» [2, с. 80].

Наконец, автор обращается к третьему государству, с которым Россия столкнулась в Средней Азии, — к Хивинскому ханству. Во время событий в Бухаре и Кокандском ханстве Хива держалась в стороне, что позволило ей укрепиться и стать сильнейшим ханством Средней Азии. Несмотря на это, хивинцы не откликнулись на предложение бухарского эмира о присоединении к антирусской коалиции, поэтому русское правительство решило быть снисходительным к Хиве [2, с. 83]. Дальнейшие события показали, однако, ошибочность такого решения.

После 1868 г. участились разбойничьи набеги на русские караваны, хивинцы призывали киргизов, находящихся под властью России, к восстанию. Письмо генерал-губернатора к хивинскому хану было проигнорировано, посол арестован, а набеги только усилились. Приводя эти факты, Терентьев вновь, как и в ситуации с Бухарой и Кокандом, возлагает вину за ухудшение отношений с Россией на ее противника. Поскольку хивинский хан, как и другие правители, уважал только силу, то его военный пыл был существенно охлажден посланным для размежевания войск и рекогносцировки местности русским отрядом и высадкой войск в Красноводском заливе. Последняя акция имела важное военное значение, в частности, в частности, это облегало переброску войск в Хиву напрямую через Каспийское море. Правда, действия России вызвали беспокойство персидского шаха, который просил подтверждения того, что укрепление Красноводска имеет целью только развитие торговли с Туркестаном и что Россия не будет строить укреплений по берегам и в устьях рек Гургана и Атрека. Это подтверждение было ему дано [2, с. 98].

И всё же этих действий оказалось недостаточно: письма генерал-губернатора по-прежнему оставались без ответа, а нападения на русские караваны продолжались. Поэтому Александр II в конце концов дал разрешение генерал-губернатору в случае необходимости начать военные действия. Боевые действия предполагалось начать весной 1871 г. Подчеркивая миролюбивые намерения российской стороны, Терентьев сообщает о попытке Кауфмана все-таки договориться с Хивой. Через посредничество бухарского эмира были переданы требования, исполнение которых могло бы предотвратить начало военных действий: 1) выдать всех русских плененных; 2) отказаться от покровительства барантача; 3) прислать в Ташкент посольство [2, с. 105]. Хан ответил отказом. Однако, будучи обеспокоенным продвижением русских отрядов со стороны Джизака и Красноводска, он попытался урегулировать отношения с Россией, отправив два посольства, но не в Ташкент, а в Тифлис и Оренбург, надеясь встретить там поддержку против притязаний Ташкента. Это, необычное с точки зрения тогдашней дипломатии, действие Терентьев объясняет, во-первых, тем, что после дерзких ответов своих министров хан не мог обратиться к Кауфману, не роняя при этом своего достоинства; во-вторых, он рассчитывал, что у России нет единой политики и каждый губернатор действует по своему разумению. Естественно, эти посольства не были приняты, по указу министра иностранных дел послам сообщили, что ни о каких переговорах речи быть не может, пока такое же посольство не будет отправлено в Ташкент и не будут освобождены все русские пленные [2, с. 108]. Осознав ошибочность своего представления относительно разобщенности русских, хивинцы, однако, отправились не в Ташкент, а в Ост-Индию с просьбой о помощи против русских. Англичане ответили отказом, полагая, как поясняет Терентьев, что Россия решится на войну с Хивой только в крайнем случае. Хивинцам посоветовали выполнить все требования России и более не вступать с ней в конфликт, так как в случае войны дело кончится присоединением к России устья Амударьи, что было крайне нежелательно для Англии. В то же время такой исход они считали только вопросом времени и смирились с этим [2, с. 109].

Тем временем два русских отряда, которые так напугали хивинского хана, всего лишь совершали

рекогносцировку и вскоре вернулись в места своей постоянной дислокации, что было воспринято хивинцами как отступление, и их политика грабежей продолжилась. Так, благодаря обстоятельствам, это государственное образование на границе с Российской империей сохранялось достаточно долго. Но весной 1873 г. было предложено покончить с этим ханством одновременным наступлением со стороны Кавказа, Оренбурга и Туркестана. Эта военная кампания закончилась блестящей победой российских войск. По мирному договору к России отошли земли по правому берегу Амударьи, Хива также освободила всех рабов, среди которых оказалось около 40000 персиян [2, с. 115]. Таким образом, Хивинское ханство фактически стало вассалом России.

Книга М. А. Терентьева была опубликована в 1875 г., когда присоединение Средней Азии к России еще не завершилось, однако основные шаги в этом направлении были уже сделаны: все три среднеазиатские ханства, хотя и сохраняли внутреннюю автономию, находились в зависимости от Российской империи. Кроме того, часть территории Средней Азии вошла в образованное в 1867 г. Туркестанское генерал-губернаторство. Объясняя действия России в данном регионе, Терентьев исходит из того, что в основе их лежит стремление обеспечить безопасность своих границ и торговые интересы. Таким образом, он, по сути, обосновывает принцип «защитного империализма» при оценке причин и характера российского завоевания Средней Азии. Азиатская Россия в значительной своей части на юге не имела естественных границ, что делало её уязвимой и затрудняло процесс её освоения. К тому же спецификой поселений на прилегающей к Казахстану территории Сибири было их расположение с севера на юг, в результате чего образовывались «коридоры», через которые кочевники проникали вплоть до Урала и Иртыша. С точки зрения автора, это обстоятельство делало для России жизненно необходимым создание единой защитной линии, которая бы перекрывала эти коридоры и защитила ее территории от вторжений [4, с. 66–67]. Следовательно, Терентьев обосновывает движение России на юг особенностями ее географического положения в этом районе. Это позволяет говорить о том, что Терентьев, наряду с другими востоковедами того времени (М. И. Венюков, А. И. Макшеев, А. Н. Куропаткин), стоит у истоков геополитического подхода к анализу внешней политики России.

Библиографический список

1. Русские военные востоковеды до 1917 г. : библиографический справочник. — М., 2005. — 295 с.
2. Терентьев, М. А. Россия и Англия в Средней Азии / М. А. Терентьев. — СПб., 1875. — 361 с.
3. Вестник Европы. — 1869. — Т. 1. Кн. 1. Внутреннее обозрение.
4. Терентьев, М. И. Туркестан и туркестанцы / М. И. Терентьев // Вестник Европы. — 1975. — № 9.

ЦЫГАНКОВ Пётр Васильевич, аспирант кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения.

Адрес для переписки: e-mail: cyrax86@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.12.2009 г.

© П. В. Цыганков

ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ МАСС-МЕДИА (ЖУРНАЛИСТИКА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 90-х ГОДОВ XX ВЕКА)

В работе дается оценка политико-идеологическим ориентациям региональной печати в первой половине 90-х годов XX века. Обращается внимание на разделение масс-медиа на пропрезидентские и оппозиционные. Автор анализирует полемику в научных кругах по вопросам роли и места СМИ в политической жизни России и ее регионов в исследуемый период. В работе проведен анализ взглядов журналистов на советское прошлое и текущую роль СМИ. Статья выполнена на базе современных исследований и дает возможность не только по-новому взглянуть на ориентации СМИ, но и прогнозировать дальнейшее взаимоотношение редакционных коллективов с властными структурами различного уровня.

Ключевые слова: масс-медиа, политическое сознание, редакционные коллективы, Западная Сибирь, идеология, власть.

Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации» был принят Верховным Советом СССР 12 июня 1990 г. и с 1 августа того же года вступил в силу. Главный принцип функционирования СМИ, декларируемый законом, заключался в свободе массовой информации. Но законодательное определение грешило неконкретностью: что понимать под свободой массовой информации? В российском Законе «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. понятие свободы массовой информации и цензуры дается более развернуто, что в итоге привело к пониманию объема правомочий по принципу «все, что не запрещено, то разрешено». Свобода массовой информации была закреплена в части 5 статьи 29 новой Конституции Российской Федерации, принятой по итогам референдума 12 декабря 1993 г. Положения статей 8, 34 и 35 гарантировали свободу экономической деятельности и право частной собственности, что затем получило также конституционное закрепление. Было признано и идеологическое разнообразие в средствах массовой информации, идеологический плюрализм, также подтвержденный в новой Конституции РФ от 1993 г.

Результаты не замедлили сказаться. Расстановка политико-информационных сил изменилась соответственно изменениям в региональном институциональном сегменте политической системы. Типология региональной печати окончательно отошла от прежней партийно-советской. Принципиально СМИ разделились на пропрезидентские и оппозиционные в РФ, или прогубернаторские и антигубернаторские в краях и областях. Ресурсы оппозиции заметно ослабли, партийные издания практически оказались исключенными от воздействия на политические процессы (они активизировались только в период выборов). Идеологическое раз-

межевание заметно стусывалось, более действенным фактором стал экономический — многие независимые и даже коммерческие издания надеялись на определенные льготы и договорные отношения с региональными структурами.

Продолжался процесс информационной замкнутости регионов, основанный на том, что складывается на местах региональная политическая идеология — не коммунистическая, даже если приходят к власти подпрокоммунистическими лозунгами, не либеральная, а именно региональная. Ценности, на которых она базировалась, составляли принципиальное отношение к федерализму, как правило, с яркой суверенной окраской; экономическая выгода становилась в центр внимания; декларировалась консервация существующей политической расстановки, знаменующей социокультурное своеобразие. Это был вызов на технократическое решение проблем модернизации, без учета социального фактора, сознания единства и распада воинствующего великодержавного синдрома. Региональная политическая идеология — явление, отражающее собой формирование новых региональных политических элит, где произошла консолидация соперничающих групп вокруг одного, двух, трех лидеров.

На этом фоне еще продолжались дискуссии о месте и роли средств массовой информации в складывающейся общественно-политической и социально-экономической системе, а в научной литературе очень часто по отношению к СМИ применяется термин «четвертая ветвь власти» (вслед за законодательной, исполнительной и судебной).

Мнений и дискуссий по поводу «четвертой власти», как известно, было предостаточно. Например, П.Н. Киричек считал, что СМИ стали четвертой властью, они получили закон, регламентирующий их деятельность, а власть — возможность

опираться на авторитет слова.

По мнению Л. Карпинского, хотя СМИ обладают властью духовной, однако политическая власть и публицистика используют те же приемы и методы. В политологии преобладает научный абстрагизм, а в публицистике — политический практицизм. Первая заряжена на познание, вторая на преобразование. Публицистика производит политические нормы, фиксирует политические отношения, кристаллизует политическое сознание и контактирует с политическими организациями. Публицистика — это переменное самосознание политики и она обладает оценочным свойством [1].

Наиболее острая дискуссия о властных функциях СМИ разгорелась на страницах журнала «Четвертая власть» в 1996 г. Тон выступлениям задавал профессор Л. Варустин. В качестве аргументов он приводит следующее:

— пресса другая по духу, и, чтобы быть гласом общества, ей предопределено держаться на некотором расстоянии от трех других ветвей власти;

— СМИ, влияя на формирование убеждений и поведение людей, выполняют управленческую, властную функцию опосредованно, духовно воздействуя на сознание и эмоциональную сферу людей, изменяя таким образом сложившиеся у них установки и стереотипы мышления;

— СМИ сохраняет родство с другими ветвями власти: общее у них — верность закону, защита свобод, прав личности и демократического государства [2].

Те, кто отвергал это понятие, приводили следующие доводы: выступления СМИ не означают всеобщей обязанности их выполнения, не сопровождаются силовым принуждением.

Более того, среди научной общественности формируются и другие подходы к определению места и роли средств массовой информации в рамках новой российской государственности. И.И. Беляков в 1991 г. отмечал применительно к анализу процессов, протекающих в редакционных коллективах Алтайского края и Новосибирской области, что на фоне приобретающей все большую самостоятельность печати необходимо непосредственно в регионе создавать механизм, способствующий наиболее оперативному доведению до местного журналиста необходимой информации [3].

Автор исследования «Взаимодействия СМИ и властных структур в условиях модернизации российского общества (политологический анализ)» А.А. Чичановский (1995 г.) констатировал, что утверждения о том, что СМИ являются «четвертой властью» — не более чем образное выражение: «Эту мифологию используют в разных целях, но в реальности политического развития зачастую происходит обратное: создание и подчинение ряда СМИ определенным финансово-экономическим и политическим, а то и финансово-криминальным группировкам». Пресса, ТВ, СМИ в целом — это посредническое звено, главным образом между властью и населением, народом, социальными группами, партиями и движениями. Именно в таком качестве на начальном этапе модернизации общества (в переходный период) СМИ обеспечивают, по мнению ученого, как социальную мобилизацию, т.е. процесс посредством которого пласты старых социальных, экономических и политических предпочтений подвергаются эрозии, и складывается восприимчивость к новым моделям социализации и поведения. Исходя из этого, А.А. Чичановский делал вывод, что деятельность СМИ — это деятель-

ность политическая, она невозможна без системной организации. Автор исследования, чьи рекомендации легли в основу решений по реорганизации в 1994 г. Госкомфедерации в Министерство РФ по делам национальности и религиозной политике, конечно, оговорил в своем исследовании, что речь не идет о «полицейско-бюрократическом» контроле. Однако на основе рекомендации при вышеуказанной структуре было начато формирование информационного управления, а также сектора свободной региональной информации [4].

Анализ возможностей СМИ вообще, и печатных в частности, с точки зрения так или иначе понимаемого государственного интереса, целесообразно дополнить исследованиями, характеризующими отношение средств массовой информации к такой социальной группе, как предприниматели. Так, Н.В. Демчук в рабочей гипотезе диссертационного исследования «Дифференциация характеристик облика предпринимателей как социального слоя в СМИ провинциального региона России (на примере Кемеровской области)» отмечала: «СМИ Кемеровской области в описании облика предпринимателя выполняют негласный социальный заказ определенных общественных сил, на основе которого пресса формирует характерный, желаемый социально-одобрительный образ данного социального слоя; облик предпринимателя, представленный на страницах региональных СМИ Кемеровской области, не совпадает с демографическими, социально-психологическими портретами предпринимателей, полученными при опросах населения и самих предпринимателей; политическая ориентация издания «задает» характеристику описанного облика» [5].

Для данного исследования интерес представляет тот факт, что И.И. Беляков, А.А. Чичановский и Н.В. Демчук рассматривают печатные СМИ как органы, на которые возможно и необходимо влиять в интересах какой-либо социальной группы или государственных структур, выражающих тоже интересы тех или иных социальных групп. При этом так называемый западный, либеральный подход к СМИ уходит на второй, а то и на третий план. Поэтому перспективной для последующей разработки может и должен стать анализ отношения отдельных журналистов и редакционных коллективов к своей роли и месту в социально-политических процессах, протекающих в постперестроечной России.

Стремительный рост количества изданий в конце 80-х — начале 90-х годов XX века (особенно после принятия Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации»), процессы демократизации жизни страны резко усилили потребность в подготовленных — как с общекультурных позиций, практических навыков, этики профессии, так и других качеств — журналистских кадрах. Несмотря на то, что только государственные университеты страны ежегодно выпускали около двух тысяч дипломированных журналистов, это совершенно не отвечало потребностям в молодых специалистах. Дефицит кадров постоянно увеличивался, особенно в районных и городских газетах, молодежной и национальной прессе.

Ситуация с журналистскими кадрами в Сибири была одной из самых острых в стране. Даже в наиболее благополучной в этом отношении Новосибирской области в редакциях местных СМИ имелось около 500 вакансий. А в зоне обслуживания Новосибирской ВПШ (23 края и области) лишь один из шести работающих журналистов получил специ-

альную подготовку. Крайне трудное положение сложилось в Омской, Томской, Кемеровской областях, национальных регионах Западной Сибири: Хакасии, Туве, Горном Алтае, где во многих районных газетах не было ни одного сотрудника со специальным журналистским образованием. До 80% редакторов районных и городских газет (а таких в стране было около четырех тысяч) к началу 90-х гг. достигли 50-летнего возраста, каждый третий редактор областной, краевой либо республиканской газеты (таких изданий насчитывалось свыше 500) был старше 55 лет. Это обстоятельство предопределило неизбежность интенсивной ротации руководящих кадров СМИ в последующие годы, что тем более усугубило кадровый дефицит [6].

В то же время нельзя не отметить, что в отношении к местной печати изначально закрадывалась настороженность к ее недостаточному профессионализму. Сущность профессиональной дискриминации заключалась в отчуждении местного журналиста от подлинного творчества сверхнагрузкой. Исследования также подтверждают и то явление, что журналисты районной и городской, отчасти и областной печати, обладая далеко не столь высокой квалификацией, как журналисты центральных изданий, публикуют в 5 и даже в 10 раз больше материалов (в строчечном измерении). То есть творческое начало в местной печати подавлялось прессом сверхнагрузки, иногда выходящей за пределы психологических возможностей человека [7].

К тому же в начале 90-х гг., как свидетельствует председатель Омского общественного фонда «Пресса» В. Евдокимов, в связи с созданием множества изданий в редакции пришло немало дилетантов, не имеющих представления ни об этике журналиста, ни о методах сбора информации, ни об особенностях жанров, да к тому же весьма поверхностно знающих русский язык [8]. В данном случае речь идет о частном мнении, которое, несомненно, может быть дополнено материалами социологического опроса журналистов, приведенными в книге И.М. Дзялошинского «Российские СМИ в избирательной кампании: уроки эффективности». По мнению исследователя, характеризуя социально-политические взгляды сотрудников редакций российских газет и журналов, следует указать, что на чисто вербальном уровне большинство из них ориентированы на западные ценности демократии в политике и либерализма в экономике. Высокий уровень эколого-пацифистского сознания, ориентированного на защиту природы от разрушительных последствий человеческой деятельности, разоружение и достижение всеобщего мира. Вместе с тем многим из них не чужда социалистическая идеология с ее популистскими лозунгами в защиту простого труженика. Сельские журналисты в большей степени, чем городские, ориентированы на патриотическую идеологию возрождения национального достоинства и национальной культуры, таких ценностей, как патриотизм, мораль, семья.

В целом можно сказать, что политическое сознание журналистов имело многослойный характер. Разные политические идеологии не только сосуществовали, размещаясь в одной плоскости, но и наслаивались одна на другую, а иногда друг друга пронизывали. Другими словами, не было чистых либералов и не было чистых социалистов, равно как любой экологист нес в себе элементы западнической, социалистической или патриотической ориентации.

При этом если у либерально-западнической

ориентации были среди журналистов четко выраженные противники, и их не меньше 17%, то у социалистической стратегии развития России открытых противников почти не было. Занимая первое место лишь у 25,9% журналистов, социалистическая ориентация устойчиво занимала второе место в сознании большинства журналистов. То есть многие журналисты хотели, чтобы Россия стала цивилизованным, богатым, правовым государством, но при этом, по их мнению, необходимо было сделать все, чтобы обеспечить торжество социальной справедливости и защиту интересов простых трудящихся.

Если поверить в искренность журналистов, то интересно заметить, что у советского строя было не столь уж много рьяных приверженцев, истово верующих в коммунистическую идею, но и не очень много ненавистников, действительно тяготящихся им. 80% журналистов никак не обозначили своего отношения к прошлому, но очень внятно обозначили отношение к настоящему: по существу, журналистский корпус России, особенно в регионах, является в своем большинстве хотя и достаточно пестрой, аморфной, но оппозицией существующему режиму [9].

Таким образом, социально-политические воззрения большинства участвовавших в исследовании журналистов образовывали достаточно причудливую смесь. Хотя многие из них выступали за признание частной собственности, в том числе и на землю, идея рынка воспринималась ими скорее на уровне лозунгов. Гораздо ближе им была распределительная философия, исходящая из социалистического по сути принципа «социальной справедливости». Они искренне болели за народ, для них было неприемлемо неравномерное распределение бремени социальных издержек, связанных с переходом к рынку, им трудно было примириться с происшедшим резким падением уровня жизни населения. В этом журналисты были близки к популизму. Приверженность демократическим ценностям сочеталась у них с идеей Великой России. Многие из них являлись поборниками державности, сильной государственной власти. Кое-кто откровенно выражал установки имперского мышления, к тому же многие из них не могли освободиться и от рудиментов коммунистического тоталитаризма. Таким образом, во взглядах российских журналистов идеи открытости Западу, признание рынка, приверженность демократическим ценностям сочетались с популизмом, идеями социальной справедливости, сильной государственной власти, с элементами патернализма, верой в великую историческую миссию России.

Новизна результатов исследования заключается в периодизации развития политической печати и органов СМИ, имеет теоретико-практическое значение для анализа их региональной специфики. Представляет интерес для историков, социологов, политологов, социальных философов.

Библиографический список

1. Киричек, П. Н. Публицистика и политология: Природа альянса / П. Н. Киричек. — Саранск, 1995. — С. 90.
2. Варустин, А. Четвертая власть. Место прессы на древе государственности / А. Варустин // Четвертая власть. — 1996. — № 1. — С. 9.
3. Беляков, И. И. Формирование системы подготовки и переподготовки журналистских кадров в условиях демократизации общественной жизни (на материалах деятельности редакционных коллективов и парткомов КПСС Алтайского края и Ново-

сибирской области. 1985–1990 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1991. — С. 8, 22.

4. Чичановский, А. А. Взаимодействия СМИ и властных структур в условиях модернизации российского общества (политический анализ): автореф. дис. ... д-ра полит. наук / А. А. Чичановский. — М., 1995. — С. 16–17.

5. Демчук, Н. В. Дифференциация характеристик предпринимателей как социального слоя в СМИ провинциального региона России (на примере Кемеровской области): автореф. дис. ... канд. социолог. наук / Н. В. Демчук. — Барнаул, 1998. — С. 7.

6. Беляко, И. И. Формирование системы подготовки и переподготовки журналистских кадров в условиях демократизации общественной жизни (на материалах деятельности редакционных коллективов и парткомов КПСС Алтайского края и Новосибирской области. 1985–1990 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. И. Беляко. — М., 1991. — С. 14–15.

7. Левен, Е. Я. Социально-психологические факторы развития творческой деятельности журналиста и редакционного коллектива в условиях осуществления политических и экономиче-

ских реформ: автореф. дис. ... канд. философ. наук / Е. Я. Левен. — М., 1990. — С. 13.

8. Евдокимов, В. Зато растопили лед недоверия / В. Евдокимов // На ветрах времени. Омская журналистика: вчера, сегодня, завтра. — Омск, 1999. — С. 168.

9. Дзялошинский, И. М. Российские СМИ в избирательной кампании: уроки эффективности. — М., 1996. — С. 33–35.

НОВИКОВА Ирина Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры управления, политики и права.

Адрес для переписки: e-mail: nou_ogu@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.12.2009 г.

© И. В. Новикова

УДК 303.436.2:930.8:947.084

О. В. ПЕТРЕНКО

Сибирский филиал Российского
института культурологии, г. Омск
Омский государственный
университет им. Ф. М. Достоевского

ЛИЧНОСТЬ ДЕЯТЕЛЯ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ИНФОРМАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ФОНДОВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА)*

Статья посвящена выявлению информационных возможностей фондов РГАЛИ для изучения творческой личности деятеля советской культуры.

Ключевые слова: история культуры, творческая личность, источники, архив.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) является крупнейшим «хранилищем» России, где сосредоточены богатейшие материалы по истории отечественной литературы, музыки, театра, кино, изобразительного искусства, архитектуры XIV–XX вв. (всего в 3067 фондах насчитывается свыше 1 млн 400 тыс. единиц хранения)¹. Фонды комплектуются по двум направлениям. Первое, институциональное, включает документы органов управления, учреждений и организаций культуры — Наркомпроса РСФСР, Всесоюзного комитета по делам искусств (ВКИ) при СНК СССР, Министерства культуры СССР и РФ, Госкино СССР, творческих союзов, научных и учебных заведений культуры, киностудий, театров, цирка и эстрады, издательств, редакций литературных и художественных журналов. Второе, персональное направление — произведения искусства, рукописи/эскизы, фото-

графии, мемориальные предметы, личные документы выдающихся деятелей культуры России и русского зарубежья. Уникальная совокупность документальной базы РГАЛИ отражает как различные аспекты биографии творческой личности, так и «все направления и жанры многосложного культурного процесса в различные периоды истории советской и постсоветской культуры» [1]. Официальный сайт архива (создан в 2006 г.) обеспечивает интерактивный доступ к единой базе данных, включая путеводитель по фондам, снабжен электронным каталогом и удобной системой поиска, что облегчает и ускоряет эвристический этап работы [2]. Это открывает огромные исследовательские перспективы для историков, реализующих себя в широком междисциплинарном поле, изучающих в свете культурно-исторического и историко-антропологического подходов «вдохновляемую творчеством человеческую личность»

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт № 02.740.11.0350

(И.М. Гревс), социокультурные условия, формы и результаты всех видов ее деятельности в динамике, в историческом, общественном, культурном, интеллектуальном, коммуникативном контекстах². Актуальность предлагаемой темы усиливается под влиянием «познавательных поворотов» в источниковедении, где все большей популярностью пользуется понимание источника как культурно-исторического феномена, реализованного продукта целенаправленной интеллектуальной деятельности человека, несущего информацию о нем и окружающем его мире — обществе.

В данной статье предлагаем обратиться к выявлению информационных возможностей фондов РГАЛИ для изучения творческой личности деятеля советской культуры, на примере двух советских режиссеров-новаторов: Н.П. Охлопкова³ и В.Ф. Торского⁴. Выбор персоналий не случаен. И Охлопков, и Торский представители особого типа театральных деятелей: неутомимых, ищущих, экспериментирующих. Личности цельные, харизматические и сложные, их становление проходило под влиянием смены веков, идеологий, «империй» — государств. Они жили и в мире, где происходили глобальные перемены, история приобрела характер всемирной, наступала эра революций и мировых войн. Театральная режиссура творчески постигала новизну взаимоотношений человека и мира, в поисках целостной картины сознательно обращалась к различным видам искусств (первопроходцами и признанными Мастерами были Ф.Ф. Комиссаржевский, К.А. Марджанов, А.Я. Таиров, В.Э. Мейерхольд и др.). Наши герои понимали, что для достижения наибольшей выразительности театрального произведения, максимального воздействия на зрителя и примирения его с новым миром необходим синтез «всех могущественных средств» сценического искусства (В.Ф. Торский), «единое литье искусств» (Н.П. Охлопков). Эта идея лежала в основе всех новаторских разработок режиссеров. Для нас важно то, что омский зритель стал непосредственным свидетелем и участником двух необычных экспериментов, осуществленных В.Ф. Торским в 1933—1936-х гг. и Н.П. Охлопковым в 1942 г. Торский создает и стационарирует в Омске Западно-Сибирский Синтетический театр (1933), в работе он делает акцент на музыкальном оформлении спектакля и воспитание универсального актера. Охлопков на омской сцене экспериментирует с музыкой и декорациями, оперируя образами-символами, наполняя каждую музыкальную или визуальную деталь спектакля особым художественным смыслом. Несомненно, эти необычные, яркие личности и их творческие поиски, оставившие неповторимый след в отечественной культуре, в культурной истории Омска, заслуживают исследовательского внимания.

Интересующая нас проблема не стала предметом специального изучения. С материалами архива, имеющими отношение к рассматриваемым режиссерам, знакомилась архивистка — составители предисловий и комментариев к архивным делам; отраслевые исследователи (театроведы) — при разработке определенных аспектов истории театров, творческих биографий театральных деятелей или целых коллективов. Об этом свидетельствуют сопровождающие архивные дела «листы использования документов», а также содержание театроведческих работ. Применительно к нашей теме отметим, например, исследования С.Г. Ландау и С.В. Яневской, однако ни один из этих авторов не обращается к осмыслению информативности и репрезентативности

материалов архива, лишь использует необходимые сведения.

В ходе работы с электронным каталогом сайта РГАЛИ, с путеводителями и описями дел в архиве выявилась следующая особенность. Основные источники, необходимые для исследования творческой личности В.Ф. Торского, собраны в личном фонде режиссера, дополняющие их — в фондах органов управления и учреждений культуры, общественных творческих организаций, с которыми так или иначе он был связан. Личного фонда Н.П. Охлопкова в РГАЛИ нет, все имеющиеся материалы рассредоточены по институциональным фондам, требуют систематических усилий по поиску, извлечению и классификации. В этой связи предлагаем кратко представить результаты первого эвристического этапа по выявлению источников, содержащих информации об Охлопкове, и более подробно охарактеризовать личный фонд Торского.

Анализ описей фондов РГАЛИ показал, что те или иные документальные свидетельства о Н.П. Охлопкове обнаруживаются в девяти институциональных и семи личных фондах. Причем наиболее значимые материалы находим в фондах организаций управления культурой и учреждений, в которых Охлопков творчески, профессионально реализовывался. Это фонды — Комитета по делам искусств при Совете министров СССР (Ф. 962), Московского государственного камерного театра (Ф. 2030), Московского академического театра им. В. Маяковского (Ф. 665), Государственного института театрального искусства им. А. В. Луначарского (Ф. 650. ГИТИС). Характер информации обусловлен особенностью сохранившихся источников. Отметим, например: личные дела режиссера (1930-е — 1960-е гг.); документы о выдвижении на соискание Ленинской и Государственной премий (1951 г.) — характеристики, справки, ходатайства, библиография рецензий и откликов прессы на спектакли, поставленные режиссером, и т.д.; документы о представлении к ученому званию профессора (1962—1963 гг.) — отзывы, творческая характеристика, автобиография, список статей; стенограммы выступлений на конференциях, встречах с учениками, коллегами и зрителями; рукописи статей и режиссерских сценариев; почетные грамоты; материалы подготовки юбилеев и поздравительные письма и т.д. Важные сведения о творческой — профессиональной деятельности Охлопкова отложились в фонде Всероссийского театрального общества (Ф. 970. ВТО). Это документы творческих лабораторий и семинаров Н.П. Охлопкова (1956—1965 гг.), материалы об издании его книги, в авторском варианте носившей название — «Искания» (1952—1977 гг.). В личных фондах известных культурных деятелей, друзей и коллег режиссера (М.Б. Храпченко, А.П. Штейна, Е.Я. Явно, Н.Ф. Погодина, К.А. Тренева и др.) представлены в основном письма и фотографии. Таким образом, даже такой краткий обзор, позволяет сделать вывод о высокой информативности и репрезентативности фондов РГАЛИ для изучения творческой личности известного режиссера, реформатора советского театра Н.П. Охлопкова. Систематическое отслеживание историографии проблемы позволяет сделать вывод, что в большинстве своем эти документы не введены в научный оборот.

Обратимся к характеристике источников — свидетельств РГАЛИ о втором нашем герое — В.Ф. Торском. Как мы уже упоминали большинство материалов сконцентрировано в личном фонде.

Личный фонд В. Ф. Торского (Ф. 2666) разделен на две части, имеет две описи [3]. Материалы, вошедшие в первую опись (крайние даты 1892–1968 гг.), были переданы в архив Торским и историко-мемуарной комиссией ВТО в 1968 г. Документы систематизированы по восьми разделам. Первый составили творческие материалы – репертуарные списки, эскизы декораций и костюмов, фотографии сцен из спектаклей В. Ф. Торского. Второй – рукописи: воспоминания об известных мастерах театра, например, Н. Н. Синельникове; о работе в театрах 1910–20-х гг.; о работе с В. Н. Аксеновым над музыкально-драматическими композициями и гастрольных поездках с его коллективом в 1950-е – 1960-е гг.). К третьему разделу отнесены письма режиссера (родственникам и знакомым), а к четвертому – письма, адресованные Торскому (в них отражены вопросы профессиональной деятельности – режиссуре, организации театральных трупп для сибирских театров, и т. д.). Материалы биографии – свидетельство о рождении, паспорт, приглашение о работе в театрах Москвы и провинции, более подробные афиши за 1907–1967 гг., – помещены в пятый раздел. Материалы из архива Торского – рецензии, грамоты, автобиографии письменные копии выступлений жены, друзей и коллег, – в шестой. Далее, рецензии на спектакли (1906–1967 гг.) и «изо материалы» – фотографии с актерами Красноярского и Омского драматических театров, эскизы декораций и костюмов. Всего 114 дел, из них 56 – письма (каждое письмо помещено в отдельное дело), 6 – визуальный ряд (всего 167 листов).

Вторая опись состоит из девяти разделов. Документы, поступили в архив в 1973 г. и 1978 гг. от В. Ф. Торского, при содействии членов историко-мемуарной комиссии и кассы взаимопомощи театральных деятелей при ВТО (крайние даты 1870–1970 гг.). Творческие материалы представлены альбомами фотографий актерских и режиссерских работ Торского за 1902–1963 гг. Всего 807 фотографий. В разделе «рукописи» – статьи и дневниковые записи режиссера. Третий раздел составили письма режиссера родным, коллегам, управленцам от культуры. Интересно коллективное письмо В. Ф. Торского, В. Т. Кибардиной, Е. З. Копеляева и др. – А. А. Жданову (1937–1938 гг.). В следующий раздел вошли письма режиссеру. Они наполнены воспоминаниями о совместной работе (отправители – актеры, режиссеры, драматурги). Другие – просьбы дать консультации и необходимые сведения в связи с работой над книгами по истории театра. Отметим письма известных исследователей провинциальных театров – К. Б. Бедлинского, И. А. Горюшкиной, С. В. Яневской⁵. Трудовые списки, справки, удостоверения, членские билеты, мандаты, грамоты, афиши и программы, отчеты и о работе в театрах, ВТО, Дома актера им. Яблочниковой за 1904–1976 гг. включены в раздел «материалы биографии». Шестой и седьмой разделы включают отдельные документы, статьи, заметки и стихи, посвященные В. Ф. Торскому, рисунки, 408 фотографии людей близких Торскому (друзей, родных, коллег). В девятом, дополнительном разделе – материалы творческой биографии жены режиссера (А. А. Павловой), несколько писем к Л. П. Иораловой (матери Торского). Всего в описи – 270 дел, из них 52 дела – письма, 120 – визуальные источники (807 листов).

В личном фонде В. Ф. Торского, как видно из предложенного обзора, хранятся копии и подлинники фактически всех известных видов источников. Это документы режиссера (паспортные книжки, трудовые списки, личные листы по учету кадров), дело-

производственная документация с мест работы (в частности командировочные удостоверения, справки, выписки, сопроводительные письма), материалы личного происхождения (автобиографии, воспоминания, личная переписка, записные книжки), вырезки газет, визуальный ряд (фотографии, эскизы, афиши, программы, стенгазеты). Дополненные – соотношенные с материалами из институциональных фондов эти источники раскрывают уникальные информационные «пласты», необходимые для создания целостного представления о творческой личности.

Отметим, что отдельные материалы из личного фонда В. Ф. Торского уже введены в научный оборот исследователями (С. Г. Ландау, С. В. Яневская, О. В. Петренко). Ярким примером работ, в которых впервые обращаются к сохранившимся в РГАЛИ сведениям, являются книги С. В. Яневской об Омском драматическом театре и уникальной странице его истории – 1932–1937-х гг., когда главным режиссером, художественным руководителем театра был В. Ф. Торский⁶. Определение количественных и качественных показателей использования интересующих нас документов, затрудняет специфика научного аппарата театроведа, как правило, в тексте отсутствуют ссылки на источник полученной информации. Восстанавливать эти данные приходится по косвенным «следам» – маркерам в повествовании.

Интересно, что к личному фонду Торского в конце 1970-х при подготовке монографии «А. Перегонец: судьба актрисы» обращается автор первой книги по истории Омского театра – С. Г. Ландау⁷. Исследовательница обращается к «Воспоминаниям В. Ф. Торского» и к архивным делам, в которых отражена деятельность режиссера в Сибири⁸. Отметим, что театровед делает ссылки на архивные материалы по всем правилам научного исследования.

В 2007 г. в ходе первого этапа исследовательской работы над проблемой «творческая личность режиссера, реформатора советского театра», мы обратились к фондам РГАЛИ. Личный фонд Торского позволил извлечь бесценную информацию о режиссере, людях окружавших его, о театре, о повседневности, о жизненных практиках России дореволюционной и советской. Источники личного происхождения потребовали особого внимания: более критичного подхода к получаемым фактам, предварительной эвристической и уточняющей работы с архивными материалами и отраслевыми исследованиями. Учет социокультурного и политического контекста каждого изучаемого периода, знание биографической канвы и особенностей характера Торского, стремление к объективному анализу субъективных авторских характеристик времени и себя, а также корреляция с другими источниками позволили провести исследование начального периода творческого и жизненного пути В. Ф. Торского (1914–1922 гг.). Мы попытались выявить признаки контекстов (исторического, социокультурного, локального, психологического), в которых формируются личностные и профессиональные качества Торского, его жизненные и творческие позиции – воззрения. Выяснилась огромная роль экстремальных факторов, в частности Первой мировой и Гражданской войн. Результаты проведенного исследования были апробированы на всероссийской научной конференции «Катанавские чтения» [4].

Представленная характеристика информационных фондов РГАЛИ для изучения творческой лич-

ности деятеля культуры (на примере Н.П. Охлопкова и В.Ф. Торского — режиссеров, новаторов, реформаторов советского театра), а также положительные результаты уже осуществленных исследований, подтверждают наше заявление об огромных исследовательских перспективах, открывающихся при обращении к уникальному «архиву муз». В нашем случае это фактически неограниченные возможности в изучении истории отечественной культуры в ее персональном измерении. Согласимся с директором архива, профессором, доктором исторических наук Т.М. Горяевой: «документы учреждений, находящиеся в логической взаимосвязи с личными документами, образуют замкнутую информационную среду» [1]. Это, на наш взгляд, позволяет не только вести любой тематический поиск (Т.М. Горяева), но выявлять актуальную и потенциальную информацию о творческой личности деятеля культуры и о социокультурном, политическом, коммуникативном контекстах, в которых он жил и творил. Сравнительное изучение, сопоставление официальных и личных документов позволяет также приблизиться к пониманию насколько индивид в творческой, создающей деятельности был способен пренебречь политическими, культурными, жизненными — повседневными стереотипами и действовать вопреки им (Ю.А. Бессмертный).

Примечания

¹ РГАЛИ — «Архив муз», «уникальное хранилище отечественной культуры» — основан в 1941 г., частично на базе собрания Государственного литературного музея — Гослитмузея (ГЛМ) — как Центральный государственный литературный архив (ЦГЛА). Сюда же были переданы профильные фонды из ЦГАОР СССР, ГИМ, ЦГАДА, Государственной Третьяковской галереи и других архивохранилищ. В 1954 г. переименован в ЦГАЛИ СССР, а в 1992 г. — в РГАЛИ. (Подробнее см.: Архив муз: Российский государственный архив литературы и искусства Москва, 2003. 23 с.; Российский государственный архив литературы и искусства: [сайт]. История. URL: <http://rgali.ru/showObject.do?object=203550997>; «Архив муз». URL: <http://rgali.ru/showObject.do?object=203550919> (дата обращения 27.01.10).

² Личность — «человек как субъект отношений (к себе, др. людям, окружающему миру) и сознательной деятельности ... включает в себя этический момент самоопределения ... характеризуется присущей ей смысловой структурой (системой взглядов, ценностных установок, предпочтений), раскрывающейся в ее действиях и поступках» (Российский энциклопедический словарь. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2000. С. 845.). Дефиницию «творчество» мы понимаем широко как деятельность, порождающую нечто качественно новое и отличающуюся неповторимостью, оригинальностью, общественно-исторической и культурной уникальностью.

³ Охлопков Николай Павлович (1900 [Иркутск] — 1967 [Москва]) — известный советский актер, режиссер театра и кино (ученик В.Э. Мейерхольда), автор киносценариев, драматург, новатор в области театральной постановочной и сценографической формы, постановщик оперных спектаклей, театральный публицист, педагог. Активный общественный деятель: профессор ГИТИСа, член-корреспондент Берлинской академии художеств, член коллегии Министерства культуры. Народный артист СССР (1948). Первые новаторские спектакли поставил

в Иркутске в честь 1 Мая в 1921 г. и 1922 гг. («массовое действо» — «Борьба Труда и Капитала» — на городской площади Иркутска; «Мистерию-Буйф» Вл. Маяковского Иркутском драматическом театре). Был художественным руководителем Реалистического театра (1930 — 1936-е гг.) и Московского театра драмы им. Вл. Маяковского (1943 — 1967 гг.), параллельно снимался в кино («Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 г.», «Александр Невский», «Кутузов», и т.д.), преподавал в ГИТИСе, вел режиссерскую лабораторию в ВТО. Во время Великой Отечественной войны был эвакуирован в Омск вместе с театром им. Вахтангова. (Подробнее см.: Велехова Н.А. Охлопков Н.П. // Театральная энциклопедия / Гл. ред. П. А. Марков. Т. 4. М., 1965. С. 1152.; Пикулева Г. Краткая летопись жизни и творчества // Н.П. Охлопков: Воспоминания, статьи. Сб. / Сост. Е.И. Зотова и Т.А. Лукина. Вступ. Ст. И.А. Абакина. М., 1986. С. 348-358; и др.)

⁴ Торский Владимир Федорович (1888 [Екатеринодар] — 1978 [Москва]) — русский, советский режиссер, актер, организатор театрального дела в провинции. Настоящая фамилия Иоралов. Заслуженный артист РСФСР (1934). Окончил Лазаревский институт восточных языков (Москва) и юридический факультет МГУ, актерскому мастерству учился у О.В. Гзовской, М.М. Климова, Н.Н. Синельникова. Профессиональную сценическую деятельность начал в 1908 г. В 1909 г. дебютировал в Екатерининском театре Корша, с 1914 г. работал в театрах Казани, Тифлиса, Краснодара, Ростова-на-Дону. В 1925 — 1931 гг. — в Красноярске, Новосибирске, Томске, Иркутске. В 1931 — 1937 гг. — главный режиссер и художественный руководитель 2-го Западно-Сибирского театра в Омске (с 1934 по 1936 гг. — Синтетический театр, позже Омский драматический театр). В 1937 г. покидает Омск, в последующие годы работает в Ленинградском Большом драматическом театре, Ростовском драматическом театре им. М. Горького, в театре им. Моссовета. В годы Великой Отечественной войны был режиссером в театре драмы им. Орджоникидзе в Ленинске (Кузбасс), во фронтовом филиале Малого театра (был руководителем одной из фронтовых бригад). В 1945 — 1948 гг. — художественный руководитель и режиссер Калужского театра. В 1948 — 1951 гг. в драматическом театре Кишенева (Молдавская ССР), Русском драматическом театре в Даугавпилсе (Латвия). С 1952 — актер и режиссер Московской филармонии. В 1954 г. играл литературно-музыкальные композиции в ансамбле В.И. Аksenova. Последние годы работал в историко-мемуарной комиссии ВТО, был председателем общественного комитета Московского Дома ветеранов сцены.

⁵ Консультации В.Ф. Торского понадобились исследователям при написании следующих работ: Бединский К.Б. Калужский театр: Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. искусствоведения. — Тула, 1971; Он же. Калужский театр. — Тула, 1977. — 206 с.; Горюшкина И.А. Из истории театральной жизни Западной Сибири (1933-1937 гг.) // Бахрушинские чтения. — 1978. — С. 49-53; Яневская С.В. Омский драматический. — Омск, 1975. — 147 с.; Она же. Омский драматический. — Омск, 1983. — 192 с.

⁶ Яневская С.В. Омский драматический. — Омск, 1975. — 147 с.; Она же. Омский драматический. — Омск, 1983. — 192 с.; Она же. Омский академический от истоков. — Омск, 2004. — 320 с.

⁷ Ландау С.Г. Из истории драматического театра в Омске (1765 — 1946). — Омск, 1950. — 156 с.; Она же.

Александра Перегонец: Судьба актрисы. — М., 1990. — 282 с.

⁸ Талантливая провинциальная актриса Александра Перегонец некоторое время работала под руководством В.Ф. Торского («Сибирский Корш», 1926—1928 гг.).

Библиографический список

1. Горяева, Т. М. Образ или модель культуры: научная основа формирования источниковой базы // Виртуальный журнал «Встречи с прошлым»: Статьи. Публикации. Выступления. — URL: <http://rgali.ru/showObject.do?object=203550957> (дата обращения 27.01.10).

2. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ): [сайт]. — URL: <http://rgali.ru/>.

3. РГАЛИ Ф. 2666. Оп. 1. 114 д., 2. 266 д.

4. Петренко (Гурова), О. В. «Человек и война»: по материалам личного фонда советского театрального режиссера

В. Ф. Торского / О. В. Петренко (Гурова) // Катаневские чтения: мат. 7-й Всерос. научн.-практ. конф. Омск, 16-17 мая 2007. — Омск, 2008. — С. 150—155.

ПЕТРЕНКО Ольга Владимировна, магистр истории, научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурологии (СФ РИК), г. Омск; соискатель кафедры современной отечественной истории и историографии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. Адрес для переписки: e-mail: olgap26g12@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.04.2010 г.

© О. В. Петренко

УДК 930.1:911.2

И. Е. ПЕСТРИКОВА

Омский государственный
технический университет

РОЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ФОРМИРОВАНИИ МЕНТАЛИТЕТА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В статье осуществлена попытка определения основополагающей роли природно-климатического фактора в формировании менталитета, выявлены особенности менталитета коренных малочисленных народов северных территорий Западной Сибири.

Ключевые слова: менталитет, национальный характер, адаптация, географические условия.

В последнее время все больше внимания уделяется духовному становлению личности, истокам формирования и особенностям развития национального менталитета. Ментальная составляющая развития общества для отечественной истории является, по нашему мнению, важнейшей.

Северные территории Западной Сибири играют основополагающую роль в экономике Российской Федерации. Активное развитие топливно-энергетического комплекса страны требует от Севера разведки и эксплуатации новых нефтегазовых месторождений. В свете конкуренции интересов коренных народов и крупного бизнеса в сфере землепользования особую актуальность приобретает изучение истории формирования менталитета и адаптационных стратегий коренных малочисленных народов северных территорий Сибири к суровым природно-климатическим условиям, что напрямую связано с будущностью их жизнедеятельности. Необходимо актуализировать проблематику, ориентированную на изучение человека и его менталитета, поскольку

не только экономика или деятельность политиков, но и повседневная жизнь людей, их представления и ценности во многом определяют те события, которые происходят сегодня в этом регионе и будут происходить в дальнейшем. Северные территории Западной Сибири — это зона проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов и этнических общностей. Именно здесь тысячелетиями зарождалась их самобытная культура и образ жизни, включающий традиционные методы промысла и способы пользования природными ресурсами (большой частью животного мира), что обеспечивало условия для сохранения и поддержания их будущей жизнедеятельности. Собран богатейший материал по истории, этнографии, фольклористике коренных малочисленных народов, но он не формализован в классических обществоведческих дисциплинах.

Актуальность исследования национального менталитета, а именно менталитета коренного населения северных территорий Западной Сибири, определя-

ется социально-экономической политикой государства. Решение этой проблемы позволит правильно оценить не только историческое прошлое народов России, но и действительность сегодняшнюю, а также строить прогнозы на будущее. Не сбываются прогнозы относительно уменьшения значимости этнического фактора в связи с глобализацией экономической, политической и духовной жизни, так как начиная со второй половины XX в. влияние национального аспекта на ход мировой истории резко усиливается.

Исследование менталитета коренного населения северных территорий Западной Сибири посвящено изучению менталитета семи народов — хантов, манси, ненцев, энцев, нганасан, селькупов и кетов. Объединение всех семи народов обусловлено несколькими причинами: географическими (природно-климатическими и региональными), этнокультурными, историческими. Почти все они в основном живут в Западной Сибири. Лишь ненцы расселены шире, за ее пределы: они живут еще в Европейской части страны, вплоть до Кольского полуострова, а также на востоке — на Таймыре и в устье Енисея. Здесь же, на Таймыре живут нганасаны, в устье Енисея — энцы, по притокам Енисея — кеты. Несмотря на то, что культура каждого из этих народов самобытна, у большинства из них много общего в облике хозяйства и культуры, что объясняется, во-первых, сходностью природно-климатических условий, во-вторых, близостью происхождения, в-третьих, многовековыми историческими этнокультурными контактами [1, с. 9].

Территория, которую сегодня населяют эти народы, огромна. Ее площадь занимает свыше 3 тыс. км² (площадь всей Российской Федерации — свыше — 17 тыс. км²). Это бассейны великих рек мира — Оби с Иртышом, Енисея, а также Печоры, их многочисленных притоков, Урал; Западно-Сибирская низменность, полуострова Канин, Гыдан, Ямал и Таймыр — территория от берегов Ледовитого океана на севере до границ Ханты-Мансийского АО на юге, включая Томскую область, от Кольского полуострова на западе до Эвенкии и Якутии на востоке. В Российской Федерации этот регион делится на области (Архангельская, Тюменская, Томская, Свердловская) и край (Красноярский), в основе которых четыре автономных округа — Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский и Таймырский (Долгано-Ненецкий).

Для всех народов данного региона характерно дисперсное расселение. Эти народы живут в трех природно-климатических зонах — тундровой, лесотундровой и таежной. Ненцы расселены на большом протяжении с запада на восток, от Кольского полуострова до севера Якутии. На севере они раньше проживали даже на Новой Земле. На юге лесные ненцы заходят в таежную зону до верховий и среднего течения правых притоков Оби. В XII в. все эти народы жили на более широкой территории. Ханты широко расселились с запада на восток (от Урала до Енисея) и с севера на юг (от северного Приуралья до Васюгана и верховий Югана). Манси и кеты обитают более компактно: первые на левых притоках Оби и Иртыша, частично заходя на Урал, вторые — в левобережье Енисея. То же самое можно сказать об энцах низовьев Енисея и нганасанах Таймыра. Одна группа селькупов (южных) проживает компактно на средней Оби и ее притоках (Томская область), другая (северные) — на р. Таз и притоке Енисея Турухан [1, с. 12].

Основной чертой самобытного менталитета коренных малочисленных народов Западной Сибири яв-

ляется то, что он формировался в совершенно уникальном природно-климатическом, географическом и ландшафтном отношении регионе. Северные территории Западной Сибири представляют собой бескрайнюю тундру, которая на юге граничит с таежными лесами, поэтому не удивительно, что в хозяйстве, быту, фольклоре и верованиях населения большая роль принадлежала именно ландшафту тундровых областей. Немалое значение для формирования особенностей менталитета имеют такие природные факторы, от которых непосредственно зависит практика конкретного выживания людей, то есть организация их хозяйственной (производственной, трудовой) деятельности. К числу данных факторов, в частности, принадлежит климат, рельеф, растительный и животный мир. Важность природно-климатических условий состоит в том, что они определяют существенные черты обстановки человеческой деятельности, которая представляет собой основное содержание исторического процесса. В своей повседневной деятельности, жизни и труде человек приспосабливается к обычной для него природной среде, вырабатывая при этом определенные стереотипы поведения, привычки и навыки, а также закрепляющие их психологические установки, эмоциональные реакции, задающие контуры национального характера. Наконец, в непосредственной связи с условиями деятельности людей находятся нормы и идеалы их культуры, мировоззрение, их предпочтения и отрицательные реакции, совокупность которых обозначается понятием «менталитет».

На суровых просторах полярных тундр коренным этносам Западной Сибири пришлось пережить исключительно трудный момент приспособления к тяжелым условиям существования и выработать свой специфический уникальный менталитет. Тот факт, что они не погибли, не превратились в угасающие племена и сумели использовать те своеобразные богатства, которые предоставил им Север, говорит об их чрезвычайной жизнеспособности. Свойства почвы и климатические условия исключали возможность заниматься земледелием. Скудность растительного покрова, долгие зимы с их снегами и морозами препятствовали развитию скотоводства.

Здесь, в приполярной зоне, под ледяным дыханием океана среди обнаженных тундр, вечных снегов и многомесячной тьмы полярных ночей, озаряемых лишь светом луны или трепетом северного сияния, надо было изыскать способ обеспечить себя пищей, одеждой, удобным жильем, возможностью преодолеть пространство через бесконечные болота и летом и зимой, без пути и дорог. Эта сложная задача была разрешена путем приручения дикого оленя. Надо было здесь, на севере, развести мощные стада оленей, приспособиться самим к своеобразным условиям оленеводческого хозяйства и вместе с тем приспособить оленя к потребностям своего быта [2].

До прихода русских в Сибирь многие из аборигенных племен достигли высокого уровня развития материальной и духовной культуры. Так, предки хантов, манси, селькупов добывали металл, имели гончарное производство, высокоразвитую металлургию, изготавливали орудия труда, вооружение, украшения; некоторые группы занимались прядением, ткачеством, земледелием, разводили скот. У них были богатый фольклор, мировоззрение, выражающее восприятие мира и поражающее богатством и многообразием идей и связи человека с природой [3].

Достижения коренного населения Сибири в хозяйственной области столь же значительны, сколь

мало известны. Изучение опыта хозяйственной деятельности необходимо в связи с тем, что традиционная культура ведения хозяйства в суровых природно-климатических условиях была построена на принципах экологического подхода. Коренные этносы очень долго оставались охотниками-рыболовами-оленоводами и в сферу промышленного и индивидуального освоения втянуты были сравнительно недавно.

Корни сибирских народов обнаружены исследователями уже в древнекаменном веке — палеолите. Имеющийся археологический материал говорит о том, что формирование начального этапа исторического процесса сибирских племен протекало в ледниковую эпоху — плейстоцен. Следует отметить, что, по мнению гляциологов, изучающих ледники, половина территории нынешней Европы уже была покрыта мощным ледниковым покровом. Территорию Сибири в этот период охватило первое оледенение. Ледяная пустыня простиралась на тысячи километров. Окраина же ледника представляла бескрайнюю тундру — «страну болот и озер, сверкающих кристально чистой водой среди мхов и редких перелесков из низких чахлах кустов полярной ивы, карликовой березы, а далее на восток — даурской лиственницы» [4, с. 31].

Зона лесотундры и тундры были представлены видовым разнообразием животного мира: водоплавающие птицы, мускусные быки, северные олени, вся жизнь которых была связана с суровыми природно-климатическими условиями приледниковой зоны. К югу от края ледника простиралась территория обитания мамонтов и шерстистых носорогов. По соседству с мамонтом и носорогом в степях, тундрах, лесотундрах паслись стада северных оленей, диких лошадей и быков. Все это явилось причиной появления здесь древнего человека. Когда именно (точное время, дата) и как широко расселились люди в Сибири? На этот вопрос пока ученые не дали точного ответа, так как не хватает необходимого археологического материала. Ясно одно, что заселение Сибири человеком было длительным и очень сложным процессом. По мнению А.П. Окладникова, «распространение древнейших людей и освоение ими новых районов с суровым климатом потребовали, разумеется, значительного времени, измеряемого, возможно, десятками тысяч лет; предположительно такого расселения должно было стать активное приспособление человека к новым условиям существования. А раз начавшись, расселение древних людей на север и восток Азии уже не могло остановиться» [4, с. 33].

А.П. Окладников считает, что продвижение первобытных людей в Азию было обусловлено жизненной необходимостью. Им, охотникам и собирателям, чтобы обеспечить существование, требовались обширные площади земли, к тому же богатые дичью. Сибирь в этом отношении, несмотря на суровый климат, была благодатным краем. Процесс расселения древнего населения ускорился самим образом жизни и условиями охоты, создавшими особую психологию бродячих охотничьих племен. Жажда легкой добычи, и, как знать, может быть, даже дух приключений влекли охотников древнекаменного века все дальше и дальше в глубь неизведанных девственных областей [4, с. 33].

Какими же путями могли прийти люди из старых, давно обжитых областей в глубину сибирских пространств?

Такой реальный путь был возможен, прежде всего, из Средней Азии вдоль горных цепей Памира

и Тянь-Шаня. В Средней Азии рано сложились благоприятные для жизни древнейших людей условия, поэтому именно здесь, у подножия Копет-Дага и Иранского плато, в бассейне Амударьи и Сырдарьи издавна жили группы неандертальцев.

Широкая дорога на север Азии была открыта и из монгольских степей, за которыми находились Восточная и Юго-Восточная Азия — родина питекантропа и синантропа, а также Северная Индия — страна одной из древнейших культур человека — загадочного соана.

К началу четвертичного европейского оледенения, как предполагают исследователи, сложились благоприятные условия для проникновения палеолитического человека в Сибирь и с запада — из областей Западного Приуралья и Русской равнины.

Заселение Сибири, как утверждают А.П. Окладников и Р.С. Васильевский, палеолитическими людьми происходило не из одного центра и не в одном направлении, а, по крайней мере, из трех центров и по трем направлениям: из Средней Азии, из Восточной и Юго-Восточной Азии, из Восточной Европы [4, с. 33 — 34]. Таким образом, связь коренного населения с территорией данного региона насчитывает тысячелетия.

Длительный процесс приспособления людей к суровым природно-климатическим условиям определил устойчивую взаимосвязь человека и природы. А это, в свою очередь, формировало стереотипы их поведения, привычки и навыки, психологические установки, которые в последствии отразились на нормах и идеалах культуры, мировоззрении, нравах и обычаях коренных этносов.

Анализ взаимосвязи «человек — природа» показывает, насколько устойчивыми были традиционные отношения и как непросто они поддавались изменениям под действием чуждых мировоззрений. Первое вторжение человека в природу осуществлялось благодаря охоте и орудиям охоты.

Их трудовая деятельность была построена на принципе безотходного производства. Мясо животных шло в пищу, шкуры — на изготовление обуви, сухожилия — на нити; из рыбьей чешуи вываривали клей, измельченные кости представляли собой питательную рыбную муку (порсу), из внутренностей вываривали состав для отпугивания кровососущих насекомых. Даже современные ханты, пришедшие в негодность кожаные вещи, используют для изготовления всевозможных завязок, чтобы не выбрасывать; ставят своих предков в пример во всем, сопряженным с экономией природного сырья или отработанного материала. Если бы не было традиций, сводящих к минимуму экологический урон, человек лишился бы природу возможности воспроизводить себя и тем самым поддерживать благоприятные условия для своего существования.

Для менталитета коренных этносов северных территорий Сибири характерно почтительное и бережное отношение к окружающей природе — ландшафтам, растительному и животному миру. Правила охотничьей этики предписывали особое отношение к объектам промысла. Обычай запрещал селиться близ обжитого зверьими места, громко разговаривать, кричать и свистеть в лесу, добывать в непорочное время, отстреливать молодых особей и беременных самок, а накануне промысла охотник должен был соблюсти ритуал, направленный на установление нормальных отношений с хозяином леса (первая добыча жертвовалась ему в качестве подарка). Обычай требовали ставить рыболовные заборы с таким расчетом, чтобы сквозь них могла проходить только

рыбья молодь. Во всех действиях, раскрывающих отношение к природе, был заложен первичный принцип: как я сегодня отношусь к природе, так сегодня, завтра, в будущем буду жить я, моя семья, мой народ. В их мироощущении могучая и таинственная природа отражалась с исключительной ясностью и подробностью. На протяжении тысячелетий они накапливали знания об особенностях природных условий своей территории и с их учетом выработали соответствующие формы хозяйствования.

Вопрос об отношении к природе и ее объектам тесно связан в традиционном мировоззрении с так называемыми промысловыми культами, которые включают средства по обеспечению себя добычей, устранению опасности и направленные на возрождение животных. Все это хорошо известно и многократно описано в этнографической литературе. Сюда можно отнести медвежий и лосиный праздник; хранение нанизанными на заостренную палочку конечностей и хвоста выдры, стопы медведя; хранение со стянутыми кедровым корнем челюстями медведя; хранение медвежьих черепов на специальной постройке в виде сруба; хранение костей медведя внутри сруба или большой берестяной коробке; хранение черепов медведя в особые священные лабаза; запрет сжигать или выбрасывать рыбью чешую, перья добытых птиц; запрет съедать первую добытую утку; использовать в практических целях необычных особей (шестилапых, альбиносов); запрет пользоваться металлическим ножом при поедании лосиного мяса; подсаживать лосиное мясо и многое другое [5].

На взаимосвязи «человек — природа» у коренных этносов Севера построена система воспитания, которая тесно связана с трудовой деятельностью, что нашло свое отражение в фольклоре северных народов. Например, в одной из национальных сказок говорится: *«Бабушка Таусья и дедушка Портя, собрав вокруг себя внуков и правнуков, давали в руки каждому нож, кому иголки с нитками, кому красный лоскуток, и внуки вырезали из дерева стрелы, а внуки — узоры»*. В сказаниях, сказках, пословицах и поговорках, в песнях прославлялись люди-труженики, а это, в свою очередь, являлось важным средством формирования национального менталитета. О содержании сказок северян, об их воспитательной функции можно судить по названиям: «Каждый другом силен», «Умный Сойтын», «Смелчак Ядури», «Храбрый Нядыга», «Жадный Глухарь», «Гордый олень», «Хитрая лиса». Уроки, которые преподносят сказки коренных жителей, воистину неоценимы: будь милостив ко всему живому, бери у природы лишь самое необходимое; чти заветы предков, трудись в поте лица, не отступай перед трудностями; не совершай дурных поступков. В своих пословицах и поговорках они отразили моральный облик рыбаков, охотников, оленеводов: «легким трудом не проживешь, человеком не станешь», «от крика дело не делается», «за ленивое дитя сердце больше болит».

Поклонение природе — характерная черта их культуры. Например, «большая зима» начинается для этих народностей в ноябре. Ее наступление отмечалось на нижней Оби особым ритуалом. В священной роще зажигались опознавательные огни, к которым прибывали участники обряда. В жертву духам Торум Ази (Небу), Калташ Ими (Земле), Хынъ Ике (Подземелью) приносили семь молодых оленей. После чего совершался совет старейшин. Лес для народов Севера всегда являлся священным. Они счи-

тают, что *«...дерево встречает человека и провозжает в неземной мир. Оно встречает человека в висячке — маленьком доме, берестяная малька — апа — покачивает его, пока он ползает и ест слабее птенца, оно спасает его юртой — избой из вековых лиственниц. Деревья — грузья, деревья — пища, деревья — красота, деревья — вчера и сегодня, деревья — много зим наперед»*. Так говорится в одной из сказок. Некоторые растения обожествляются ими, к примеру, старые, искорёженные или такие, у которых несколько верхушек. Они предполагают, что там находится прибежище бога, а чаще рассматривают само дерево как божество. Такие обжитые духами места называются у народов Севера «святым кодовским местом» [6]. В сакральной символике угров, например, главные роли распределены между березой, сосной и кедром, в миропонимании ненцев явное первенство принадлежит лиственнице. Действительно, из лиственницы изготавливались священные предметы, в кронах живых деревьев гнездились орлы, а силуэты одиноко растущих лиственниц служили путеводными знаками для тундровых кочевников [11]. Таким образом, главная роль в духовной культуре того или иного этноса отводилась именно той древесной породе, которая являлась преобладающей в растительном покрове территории проживания данного народа.

Чрезвычайно интересным в традиционной культуре северных этносов Западной Сибири является взаимодействие животного мира и людей. Из животных у них наибольшим почитанием пользуется медведь. Он именуется младшим братом человека и всех зверей. Образ медведя занимает значительное место в сказаниях, священных песнях, обрядах. Так называемый культ медведя, особенно в форме медвежьего праздника, является одним из самых ярких примеров северной самобытной культуры. Большая роль отводится в устном народном творчестве северян и собаке. Бытует поверье, что собака берёт на себя несчастья и даже смерть хозяина. Постаревших собак не бросают и не убивают, а содержат наравне со всеми. Много добрых сказок, песен и загадок посвящено этим животным. Самобытная традиция связана с культом очеловечивания лягушки, которая называлась «между кошек живущей женщиной». Ей приписывали способность дарить семейное счастье, определять количество детей, облегчать роды. Изображение лягушки, вышитое бисером на платке, держали перед рожавшей женщиной для того, чтобы обеспечить новорождённому крепкое здоровье и долгую жизнь. Существовал запрет отлавливать лягушек и использовать их в качестве насадок. Но самые лучшие сказки и песни, лучшие поверья и сказания — об оленях. Вся жизнь коренных этносов связана с тундрой. Спасение для людей — олени. Олень воспет как нечто лучшее в мире, первые мольбы и моления отнесены именно к нему.

Анализируя все вышеизложенное, следует, что культурное наследие и достижения в хозяйственной деятельности коренных этносов северных территорий Сибири — это свидетельство, отражающее историческую истину и летопись народа. Приспосабливаясь к суровым природно-климатическим условиям, они выработали при этом своеобразные стереотипы поведения, привычки и навыки, а также закрепляющие их психологические установки и эмоциональные реакции, которые формировали нормы и идеалы культуры, мировоззрение, нравы и обычаи — их самобытный национальный менталитет.

Тесная взаимосвязь человека и природы, отражающаяся в материальной и духовной культуре, в мировоззрении этносов, говорит о непосредственном влиянии на формирование самобытного менталитета тех географических условий, в которых сложилась историческая судьба коренных малочисленных народов Западной Сибири.

Положения и выводы, приведенные в статье, могут быть использованы в качестве теоретико-методологической и источниковедческой базы в общественных науках, которые исследуют проблему российского менталитета — истории, социологии, социальной философии, экономики, культурологии, этнологии, социальной психологии, политологии, педагогики и других. Материалы статьи могут использоваться в преподавательской деятельности, в духовно-нравственном и патриотическом воспитании молодежи.

Библиографический список

1. Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энци. Нганасаны. Кеты / отв. ред. И. Н. Гемуев, В. И. Молодин, З. П. Соколова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т археологии и этнографии СО РАН. — М.: Наука, 2005. — С. 9, 12.
2. Шнейдер, А. Р. Население Сибирского края (русские и туземцы) / А. Р. Шнейдер, А. Н. Дроброва-Ядринцева. — Томск: Сибиздат, 1928. — С. 30—31.

3. Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энци. Нганасаны. Кеты / отв. ред. И. Н. Гемуев, В. И. Молодин, З. П. Соколова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т археологии и этнографии СО РАН. — М.: Наука, 2005. — С. 14.

4. Окладников, А. П. Северная Азия на заре истории / А. П. Окладников, Р. С. Васильевский. — Новосибирск: Наука, 1980. — С. 31—34.

5. Материалы В. М. Кулемзина. — Режим доступа: <http://nativeurals.narod.ru/khanty.htm>.

6. Хаврушина, Э. Система образов в устном народном творчестве хантов и манси. — Режим доступа: http://www.litmuseum.ru/ins_havrushina.htm.

7. Головнев, А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров / А. В. Головнев. — Екатеринбург: УрО РАН, 1995. — С. 42—43.

ПЕСТРИКОВА Ирина Евгеньевна, документовед ученого совета ОмГТУ, аспирантка кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: pik9@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 26.11.2009 г.

© И. Е. Пестрикова

Книжная полка

ББК 67.62/Ч-49

Черняева, Д. В. Международные стандарты труда (международное публичное трудовое право) [Текст]: учеб. пособие для вузов по специальности «Юриспруденция» / Д. В. Черняева. — М.: КНОРУС, 2010. — 229 с. — Библиогр. в конце глав. — ISBN 978-5-406-00122-6.

Носит комплексный характер и призвано ознакомить читателей как с международными аспектами трудового права, так и с социально-трудовыми аспектами международного публичного права. Отражена деятельность международных организаций по регулированию социально-трудовых вопросов, рассмотрены институциональные механизмы регулирования данной области на международном уровне, исследованы способы обеспечения соблюдения международных трудовых норм и другие вопросы, непосредственно связанные с указанной тематикой.

Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических специальностей, а также тех, кто интересуется социально-трудовой проблематикой и международно-правовым регулированием труда в исторической ретроспективе и на современном этапе.

ББК 63.3(0)/Б88

Брокгауз, Ф. А. Мировая история. Иллюстрированный биографический словарь [Текст]: современ. версия / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — М.: ЭКСМО, 2008. — 863 с.: ил. — ISBN 978-5-699-18646-4.

В настоящем издании словаря собрана обширная информация о персоналиях мировой истории, об их достижениях и открытиях, неудачах и поражениях. Написанные живым языком статьи содержат подробности жизненного пути деятелей мировой истории и дают возможность ярко представить каждую личность, известную и незаслуженно забытую, а богатый иллюстративный материал — дополнить эти представления зрительным образом. Тщательно подобранные иллюстрации воспроизводят внешний облик персоналий и упоминаемых в словаре реалий. Большая насыщенность словаря фактическим материалом, обилие библиографических сведений сохраняют за ним значение важного справочного издания. Ученые в различных областях знания, настоящие знатоки своего дела, умеющие доходчиво, выразительно и ярко объяснить то, в чем блестяще разбираются сами, создали оригинальное русское справочное издание, в котором, благодаря непринужденной и образной манере изложения материала, биографические и научные статьи читаются как захватывающие рассказы.

СОВЕТСКАЯ МОДА ПЕРИОДА «ОТТЕПЕЛИ»: КОНЦЕПЦИЯ И ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ*

В СССР разрабатывается концепция советской моды, ведется поиск собственного творческого источника, не связанного с «буржуазной» эстетикой. В процессе практической реализации концепции советской моды в период «оттепели» складывается система, основанная на плановом хозяйстве и крупном фабричном производстве. Но она не справляется с задачей удовлетворения спроса населения.

Ключевые слова: концепция советской моды, советский стиль, Дом моделей.

Начиная с конца 1990-х годов российские и зарубежные историки и искусствоведы доказывают сам факт существования советской моды. Анализу подвергаются как работы дизайнеров, так и образцы одежды, распространенные среди различных групп населения СССР. В настоящей статье предлагается рассмотреть пути внедрения концепции советской моды в государственную систему производства одежды в период «оттепели» и определить место региональных домов моделей в ее реализации.

Поиски собственного «советского стиля» одежды начинаются уже после революции, но основные попытки создания в СССР специфической советской моды относятся к послевоенному периоду. В 1944 году на базе существовавших до войны учреждений моды был создан Московский Дом моделей (МДМ).

Партийно-государственный аппарат предпринимает попытки регламентировать повседневность через моду. С 1948 года МДМ был переведен на государственное финансирование. При этом государство получило возможность контролировать, во что одевается население, формировать через одежду вкус, а также регулировать модные тенденции собственной советской моды — прогнозируемой, политически корректной, годной для советских граждан. Для этого разрабатывается концепция советской моды, подпадающей к условиям советской жизни и отражающей стиль соцреализма [1, с. 57]. Предполагалось, что для советской моды не характерны сенсационность и экстравагантность, зато ей свойственны удобство, практичность, функциональность и гигиеничность. Меняясь из года в год, мода должна была отражать успехи советской промышленности. Таким образом, концепция моды являлась способом регламентации внешности, так как одежда подвергалась четкой классификации по социально-профессиональным признакам и по видам деятельности при ее создании и публикации моделей в журналах.

В 1944 — 1948 годах создаются региональные дома моделей, первоначально в республиканских и областных центрах. В 1948 — 1949 годах произошло их объединение в единую систему во главе с Общесоюзным Домом моделей (ОДМ), созданным на базе МДМ [2, с. 109]. В начале 1950-х годов ОДМ выступал главным проводником правильного «советского стиля». В Сибири и на Дальнем Востоке подобную функцию выполнял Новосибирский Дом моделей, созданный в 1948 году на базе спецателье. Позже к нему добавились Алтайский и Кемеровский Дома моделей.

С 1950 года на ОДМ была возложена функция контроля и оказания содействия как швейным фабрикам, так и ателье индпошива в деле постоянного обновления ассортимента в соответствии с тенденциями моды. В связи с этим в домах моделей распространилась система курсов переподготовки модельеров с периферии, «прикрепления» модельеров и «кураторства» над конкретными предприятиями.

Чтобы найти собственный творческий источник, не связанный с «буржуазной» эстетикой, в Домах моделей обращаются к народному творчеству. Эта тенденция зародилась еще в послереволюционный период и культивировалась в Советском Союзе почти до времён перестройки. Повсеместное использование фольклорных мотивов в своем творчестве существовало и в конце сталинского периода. Например, в 1950 году в ОДМ М.Д. Плотникова создала платье-рубашку с отделкой вышивкой по мотивам мордовской национальной одежды, выходящее шерстяное платье-рубашку с завязкой на поясе и с вышивкой в чувашском народном стиле. Другой модельер, А.А. Жарнова, создала в том же сезоне платье в форме русской народной поддевки. В полном отсутствии сексапильности этих моделей чувствуется откровенное неприятие европейских тенденций моды [3, с. 300].

Модели в фольклорном стиле разрабатывались во всех домах моделей СССР и всегда присутствовали на страницах журналов мод. Это подтверждают в своих воспоминаниях сотрудники Новосибирского Дома моделей тех лет: «В 1950-е годы у нас не было абсолютно никакой заграничной информации и тогда расцвел фольклорный стиль. <...> Тогда все моделирование строилось на фольклорном стиле»¹.

Руководящие органы всех уровней по-своему поддерживали эту тенденцию. Например, постановление Совета народного хозяйства Западно-Сибирского экономического района содержит рекомендации: «разрабатывая конструкции, учитывать климатические условия Сибири, использовать народный орнамент»². Привнесение фольклорных элементов в вербальное или материальное выражение модной тенденции должно было окончательно убедить общественность в том, что советская мода отлична от западной [1, с. 61]. Большинство таких моделей в народном стиле не нашло широкого распространения. Народные формы одежды и приемы декорирования уже не соответствовали сов-

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Женский костюм в советской повседневности периода «оттепели»» № 09-01-67103а/Т

ременному образу жизни. Механический перенос в бытовой костюм сложной вышивки, отдельных элементов народного костюма приводили к его декоративной перегрузке, который напоминал здания тех времен с характерной помпезностью и украшаемостью [4, с. 47].

Успешно русский стиль разрабатывали Е. Иванова и Г. Гагарина. Популярным направлением считалась связь традиций и современности. Ярче других этот стиль в своей коллекции «Русская серия» (1965–1968 гг.) воплотил В. Зайцев. Талантливая переработка действительно богатого исторического наследия народного костюма многонационального государства делало «советский стиль» интересным. Среди сибирских модельеров можно отметить модельерку Иллиной «Серебряный снег», получившую третью премию на конгрессе моды в 1958 году³.

Важное значение при создании советской моды играло ансамблевое моделирование. Ансамбль костюма характеризуется строгой взаимоподчиненностью его составляющих с образом человека конкретного времени, эпохи, находясь в созвучии с окружающей средой — интерьером и экстерьером [5, с. 12]. Дома моделей регулярно подчеркивали в отчетах о своей работе, что модели разработаны в виде ансамбля. Швейным фабрикам также рекомендовалось при разработке новых моделей швейных изделий руководствоваться «основными направлениями моды в ансамбле»⁴.

В процессе практической реализации концепции советской моды работа модельеров рассматривалась как важное средство пропаганды и воспитания у советских граждан хорошего вкуса. Перед ними ставилась «задача научить различные слои населения искусству одеваться» [6, с. 189].

Так, например, управление швейной промышленности Западно-Сибирского экономического района рекомендовало Новосибирскому Дому моделей «систематически выезжать в город и на предприятия экономического района с докладами о направлении в моделировании с демонстрацией моделей»⁵. В отчетах дома моделей о деятельности в области пропаганды моды есть данные о количестве проведенных показов коллекций в клубах, институтах, школах, магазинах, кинотеатрах, домах культуры. Проводились выездные показы мод в других городах региона: Барнауле, Омске, Алма-Ате, Томске, Иркутске, Кемерове, Чулыме, Искитиме, Бердске, Академгородке и других⁶. Проводились и еженедельные показы мод в демонстрационном зале дома моделей. Помимо показов читались лекции о новом в моде и искусстве одеваться. С распространением телевидения показы моделей и беседы о моде стали появляться и на телевизионных экранах⁷.

Такое упрощенное представление о возможностях «формирования» моды «сверху» было весьма характерным для всего советского периода. А следование нормам «советского стиля» в повседневной практике расценивалось как обладание хорошим вкусом. В идеале предполагалось — женщина со вкусом одевается модно в любой обстановке. Эти правила распространялись на все сферы жизни и все возможные ситуации, будь то работа, дом, путешествия, танцы, театр, партсобрания и т. п. Так, характерной приметой того времени были создававшиеся всеми домами моделей специальные сельские и рабочие коллекции — одежда для доярок, птичниц, штукатуров и т. д. Проводились специальные «рабочие показы». Разработку специальной одежды вели и модельеры Новосибирского Дома моделей.

Модели рабочей одежды они представляли в июне 1962 года на Всесоюзной выставке одежды, обуви и трикотажа в г. Москве⁸. Проводились показы рабочей одежды на промышленных предприятиях.

Приход Н. С. Хрущева к власти вызвал быстрые изменения в стране. СССР открыл для себя мир: международные обмены и контакты, поездки делегаций за рубеж и визиты в страну. Но самое существенное — иной становилась жизнь внутри страны. На волне общественного подъема рождались новая литература, живопись, театр, мода. В конце 1950-х смягчилось официальное отношение к западной моде, ее трактовка вернулась к консервативным образцам швейного мастерства и практикам традиционной женственности [6, с. 189].

В этот период в Новосибирский Дом моделей начинают периодически поступать зарубежные журналы мод, по которым творческий коллектив знакомился с модой зарубежных стран⁹. По журналам разрабатывались модели¹⁰. Конструкторы прорабатывали материалы по конструированию мужской, женской и детской одежды Венгрии, ГДР, Чехословакии и Польши¹¹. Модели, разработанные в Новосибирском Доме моделей, представлялись на международных выставках и конкурсах в Лейпциге, Будапеште, Брюсселе, Варшаве; принимали участие в показах моделей в Японии, Индии, Эфиопии. На VII Международном конкурсе одежды в Варшаве в числе пяти лучших манекенщиц Домов моделей страны Сибирь представляла девятнадцатилетняя манекенщица Новосибирского Дома моделей Галина Решетникова [7]. Для возможности общения с зарубежными коллегами во время поездок в Новосибирском Доме моделей преподается английский язык.

В результате зарубежных командировок советских инженеров, технологов, модельеров и конструкторов одежды происходил перенос западных технических приемов и модных тенденций в советскую промышленность. Однако речь шла не о слепой имитации. Сами модельеры характеризовали свой подход к западной моде как творческий: они заимствовали только те идеи, которые можно было применить в советских условиях [1, с. 61]. При этом советскую моду по-прежнему должны были отличать общедоступность, массовость и бессословность.

В целом, период «оттепели» был важен для советской моды, поскольку десятилетие, когда костюм должен был следовать «правилам приличия», подошло к концу. К этому периоду новинки западной моды уже начали просачиваться на страницы советских модных изданий. Но это еще не означало, что предприятия по выпуску одежды начали производить модные вещи или что выбор в магазинах стал разнообразнее.

Большие проблемы возникли в процессе внедрения моды в производство. В хрущевский период была заявлена программа реформ, которая была направлена на улучшение материального благосостояния советских граждан. При решении проблемы неудовлетворенного спроса населения основные силы «были брошены» на развитие крупного фабричного производства. Но предприятия стремились прежде всего выпускать ту продукцию, которая была выгодна для выполнения плана и слабо ориентировались на многообразные запросы потребителей. В магазины в большом количестве поступала продукция низкого качества и не пользовавшаяся спросом покупателей. Хотя партия и правительство постоянно пытались эффективно скоординировать действия различных звеньев производства и распределения одежды,

ассортимент товаров в советских магазинах не удовлетворял спрос потребителей в течение всего изучаемого периода.

Дизайнеры советского периода утверждают, что они не стремились создавать «простенькие и серенькие» модели, но существовал пресловутый план. Министерство спускало технологические заявки, где было все прописано вплоть до количества швов и фурнитуры, не говоря уже об ассортименте, и «...ничего изменить уже было нельзя»¹². А оценка работы художников-модельеров теперь осуществлялась не столько в соответствии с количеством и качеством разработанных ими оригинальных моделей, сколько по факту их внедрения в производство. Художественный совет, состоявший преимущественно из представителей трестов, швейных предприятий и торговли, выбирал модели, которые было удобно производить без особой перестройки производства. Подобная практика получила распространение и в дальнейшем, о чем свидетельствуют более поздние публикации в прессе: «...подобная система не только не способствует развитию художественного творчества в создании одежды, а, наоборот, глушит его, утилизует саму идею поиска. 80 процентов своего времени художник обязан работать «на конвейер», который явно не успевает за модой» [8].

Кроме этого, необходимо отметить, что важное значение в процессе модернизации легкой промышленности и сферы услуг играло обеспечение их квалифицированными кадрами. В рассматриваемый период уровень образования на предприятиях легкой промышленности и бытового обслуживания был низким, особенно региональных. Так, укомплектование должностных категорий на предприятиях управления швейной промышленности Западно-Сибирского экономического района выглядит следующим образом. Директора предприятий — всего 26 человек, из них: 4 человека имели высшее образование, 2 — средне-техническое, 20 — практиков. Главные инженеры — 26 человек: 24 человека со средне-техническим образованием и 2 практика. Главные технологи и конструкторы — 14 человек: 2 — человека с высшим образованием, 5 — со средне-техническим и 7 — практиков¹³.

Подобная ситуация складывается и в Новосибирском Доме моделей. Так, на 1 января 1964 года дом моделей не имел ни одного модельера с высшим образованием¹⁴. Низкая обеспеченность кадрами отражалась на качестве. Например, в осенне-зимнем сезоне 1963 — 1964 года Новосибирским Домом моделей было внедрено в производство 515 конструкций, внедрение составило 80 %. В весенне-летнем сезоне 1964 года было заказано фабриками 477 конструкций, что составило 76 %¹⁵. Имелись замечания фабрик в адрес конструкторов. Например, за 1960 год поступило 27 претензий¹⁶. За 1962 год от швейных фабрик поступило шесть писем с претензиями на некачественно выполненные лекала и техническую документацию¹⁷. В 1963 году поступили замечания со швейных фабрик г. Биробиджана и г. Благовещенска; фабрики «Большевичка» г. Омска; фабрики № 4 г. Барнаула; фабрики № 2 г. Бийска; фабрик № 3, № 8 и им. ЦК профсоюзов швейников г. Новосибирска¹⁸.

Улучшению качества моделей и конструкций должен был служить метод моделирования одежды на одной конструктивной основе, который широко внедрялся в этот период и отражался в отчетной документации. Так, в 1961 году Новосибирским Домом моделей на одной конструктивной основе были разработаны 44 модели¹⁹.

В соответствии с постановлением Совета министров СССР все дома моделей должны были в первом полугодии 1962 года перейти на разработку конструкций по полнотным группам, что потребовало большой подготовительной работы²⁰.

Модельеры и конструкторы домов моделей проходили обучение и стажировки в ОДМ. Всем домам моделей рекомендовалось «совершенствовать шкалу типоразмеров и типовых методов конструирования одежды, разрабатывать и внедрять базовые конструкции, универсальные стандартизированные детали»²¹.

Таким образом, в результате внедрения концепции советской моды в систему государственного производства одежды была сделана ставка на крупное фабричное производство, а для оценки деятельности предприятий руководящими органами всех уровней стали количественные показатели. Сложившаяся система, основанная на плановом хозяйстве, не позволяла менять производственные стандарты, что способствовало рекомендации к производству «простых» и универсальных вещей без всяких «ультра-модных» элементов. Хотя политика открытости периода «оттепели» способствовала проникновению западных тенденций в СССР, официальный дискурс так и не отказался от своих требований к костюму и продолжал пропагандировать эту эстетику. «Советский костюм» с его представлением о скромности, умеренности и изяществе блокировал развитие моды в СССР на десятилетия. Общие тенденции развития модной индустрии были одинаковы по всей стране. Региональные дома моделей были включены в общую систему производства одежды, перед которыми ставилась задача по пропаганде советской моды и воспитания вкуса у потребителей.

Примечания

¹ Интервью с Грицюк В. Э. 11 ноября 2009 г. г. Новосибирск.

² ГАНО. Ф. Р-1655. Оп. 1. Д. 23. Л. 22.

³ ГАНО. Ф. Р-1660. Оп. 1. Д. 58. Л. 14.

⁴ ГАНО. Ф. Р-1655. Оп. 1. Д. 23. Л. 23.

⁵ ГАНО. Ф. Р-1655. Оп. 1. Д. 23. Л. 23.

⁶ ГАНО. Ф. Р-1655. Оп. 1. Д. 19. Л. 67; Д. 39. Л. 73; Ф. Р-1660. Оп. 1. Д. 155. Л. 23; Д. 194. Л. 12; Д. 25. Л. 14; Д. 15. Л. 5; Д. 58. Л. 13; Д. 101. Л. 9.

⁷ ГАНО. Ф. Р-1660. Оп. 1. Д. 15. Л. 5; Д. 58. Л. 13; Д. 101. Л. 9.

⁸ ГАНО. Ф. Р-1660. Оп. 1. Д. 25. Л. 13.

⁹ ГАНО. Ф. Р-1660. Оп. 1. Д. 25. Л. 15.

¹⁰ ГАНО. Ф. Р-1660. Оп. 1. Д. 155. Л. 23.

¹¹ ГАНО. Ф. Р-1660. Оп. 1. Д. 101. Л. 9 — 10.

¹² Интервью с Грицюк В. Э. и Тотмениной М. И. 11 ноября 2009 г. г. Новосибирск.

¹³ ГАНО. Ф. Р-1655. Оп. 1. Д. 2. Л. 34.

¹⁴ ГАНО. Ф. Р-1655. Оп. 1. Д. 19. Л. 66.

¹⁵ ГАНО. Ф. Р-1655. Оп. 1. Д. 19. Л. 68.

¹⁶ ГАНО. Ф. Р-1660. Оп. 1. Д. 155. Л. 18.

¹⁷ ГАНО. Ф. Р-1660. Оп. 1. Д. 25. Л. 16.

¹⁸ ГАНО. Ф. Р-1655. Оп. 1. Д. 19. Л. 68.

¹⁹ ГАНО. Ф. Р-1660. Оп. 1. Д. 194. Л. 6.

²⁰ ГАНО. Ф. Р-1660. Оп. 1. Д. 25. Л. 15.

²¹ ГАНО. Ф. Р-1655. Оп. 1. Д. 23. Л. 22.

Библиографический список

- Захарова, Л. Советская мода 1950 — 1960-х годов: политика, экономика, повседневность / Л. Захарова // Теория моды. — 2007. — № 3. — С. 55 — 80.

2. Журавлёв, С. Власть моды и Советская власть: История противостояния / С. Журавлев, Ю. Гронов // Историк и художник. — 2006. — № 3 (9). — С. 100—113.

3. Васильев, А. Русская мода. 150 лет в фотографиях / А. Васильев. — М., 2004. — 448 с.

4. Виниченко, И. В. Попытки использования народных традиций при создании советского костюма 1950-х годов / Виниченко И. В. // Сохранение и развитие русской культуры и православной духовности: материалы Омской научно-практической конференции / отв. ред. И. В. Волохина, Г. Г. Волощенко, Н. А. Томилов. — Омск, 2007. — С. 46—47.

5. Пармон, Ф. М. Композиция костюма / Ф. М. Пармон. — М., 1985. — 264 с.

6. Бартлет, Д. Давайте оденем их в беж: мелкобуржуазный мирок официального социалистического костюма / Д. Бартлет // Теория моды. — 2007. — № 3. — С. 187—232.

7. На Международном конкурсе одежды // Советская Сибирь. — 1956. — 2 июня.

8. Тотменина, М. Не ремесленник, а творец / М. Тотменина // Социалистическая индустрия. — 1970. — 30 мая.

ВИНИЧЕНКО Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры «Конструирование швейных изделий».

Адрес для переписки: e-mail: irvin61@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.11.2009 г.

© И. В. Виниченко

Информация

Совместная программа «Михаил Ломоносов» Министерства образования и науки РФ и DAAD: научно-исследовательские стипендии и научные стажировки (Michail-Lomonosov-Forschungsstipendien und -aufenthalte)

Сроки стажировки:

- с 01.10.2011 по 31.03.2012 (научно-исследовательские стипендии для целевой группы «А»);
- с 15.09.2011 по 15.12.2011 (научные стажировки для целевой группы «В»).

Целевые группы:

«А»: Аспиранты и молодые ученые технических и естественных дисциплин, которым на 01.10.2011 еще не исполнится 35 лет, имеющие диплом специалиста или магистра.

«В»: Преподаватели и ученые технических и естественных дисциплин, которым на 15.09.2011 еще не исполнится 45 лет, имеющие ученую степень кандидата или доктора наук.

Соискатели должны быть сотрудниками одного из государственных вузов, подведомственных Министерству образования и науки РФ (МОН). В связи с тем что система МОН постоянно реформируется, перед началом оформления документов рекомендуем Вам уточнить подведомственность Вашего вуза непосредственно в МОН. Контактные телефоны МОН находятся на официальном сайте по адресу: <http://www.ed.gov.ru/>

Заявки от лиц, местом работы которых являются научно-исследовательские учреждения Российской академии наук, не принимаются.

Совместная стипендиальная программа DAAD и Министерства образования и науки РФ предоставляет российским аспирантам и преподавателям технических и естественных наук возможность работы над диссертацией и научных исследований в университетах и внеуниверситетских научных центрах Германии и расширения контактов с немецкими коллегами.

Если соискатели уже находятся в Германии, то на момент открытия стипендии DAAD, т.е. 15 сентября или 1 октября 2011 г., срок их пребывания в Германии не должен превышать двух лет.

Языковые знания и их оценка:

Соискатели должны хорошо владеть немецким или английским языками в объеме, достаточном для общения с немецкими коллегами по научной тематике. Для соискателей группы «А» требуется подтверждение знаний немецкого или английского языка (см. [общие положения](#)).

Пакет документов включает в себя обязательные:

1. формуляры Министерства образования и науки РФ
2. бланк заявки DAAD.

Формуляры А, В и С Минобрнауки РФ можно распечатать из Интернета: (<http://www.daad.ru/FormABCl.doc>).

Бланк DAAD заполняется Online, распечатывается в формате PDF и прикладывается к пакету документов (см. <http://www.daad.ru/online.htm>). Лишь в исключительных случаях, по согласованию с координатором программы, допустимо заполнение старого бланка заявки (см. [Antrag auf ein Forschungs-/Studienstipendium](#)).

Необходимо представить три комплекта документов (два последующих экземпляра можно скопировать с 1-го комплекта-оригинала).

Все документы, кроме русскоязычных формуляров А, В и С Минобрнауки и науки РФ, подаются на немецком или английском языке.

Три комплекта документов (включая формуляры А, В, С для Министерства РФ) с пометкой на почтовом конверте «Программа "Михаил Ломоносов"» должны быть отправлены в Московское представительство DAAD. Конкурс открыт с 15 мая.

Более подробная информация доступна на сайте www.daad.ru.